

Литрес

ВЛАДА ОЛЬХОВСКАЯ

КОНТРОЛЬ НАД ЭРЕБОМ

Северная корона

Влада Ольховская
Контроль над Эребом

«Влада Ольховская »

2023

Ольховская В.

Контроль над Эребом / В. Ольховская — «Влада Ольховская », 2023 — (Северная корона)

На Эреб отправляются в поисках богатства, а находят порой смерть, потому что планета ураганов не терпит слабость. И когда на единственной станции пропадает человек, обычных спасателей туда отправить нельзя, они просто не справятся. Разобраться в таинственном исчезновении предстоит кадетам Легиона, только-только приступившим к практике. Они относятся к этому как к очередной симуляции, пока не понимают: Эреб не принимает ставок меньше, чем жизнь.

© Ольховская В., 2023

© Влада Ольховская , 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	31
Глава 4	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Влада Ольховская

Контроль над Эребом

Глава 1

«Северная корона» погибла. Огонь алым цветком полыхнул где-то внутри, вырвался наружу, распустил лепестки – и не стало величественного корабля. Металл расслаивался, плавился от грандиозного жара, трескались и рассыпались в пыль стекла, волна уничтожения проходила по залам и коридорам, превращая то, что раньше было высшим достижением человеческого разума, в бесполезный космический мусор. Взрыв родился в пустоте, которая не позволила распространиться звукам, но от этого, от оглушающей тишины, становилось только сложнее. Тишина будто намеренно принижала катастрофу, делая ее ненастоящей – и все равно оставляя необратимой.

Конечно же, внутри никто не выжил.

Альда всегда просыпалась на этом моменте, испуганная, растерянная. Она даже не бралась сказать, почему: потому что умерли все, кто ей дорог, или она сама, или всё сразу. Сон повторялся не впервые, и каждый раз после него телепатка обещала себе, что не поддастся вновь, что вернет контроль над собственной жизнью. Это же глупо и совсем непрофессионально – позволять какой-то иллюзии снова и снова выводить тебя из строя...

Она уже знала, что это иллюзия. Впервые увидев странный сон, Альда испугалась настоящему. Слишком уж ярким он был – как будто ее собственное воспоминание! И скорбь о случившемся была настоящей... Телепатка немедленно потребовала позвать к ней кого-то из команды, и ей не отказали. Потому что команда все еще была – и «Северная корона» все еще была.

А предсказывать будущее телепаты не умеют, это в академии сто раз повторяли. Альда пришла к нехитрому выводу: ее просто подавлял стресс, свалившийся на нее в последние дни. Он и населял ее разум чудовищами, за пределами ее камеры все шло своим чередом. Телепатка почти поверила в это, почти успокоилась, когда сон обрушился на нее снова.

Видение становилось навязчивым, а пожаловаться она никому не могла. Сейчас любую странность истолковали бы против Альды, сочли бы ее сумасшедшей, нестабильной... Комиссия такое учитывает, она все учитывает.

Поэтому приходилось справляться самостоятельно. Раньше это было бы совсем просто, у Альды хватало и знаний, и опыта, чтобы «починить» саму себя. Но теперь мешал проклятый блокатор... Возможно, именно на него ее мозг и реагировал ночными кошмарами, кто ж поймет наверняка?

Блокатор не давал ей использовать телепатические способности до решения комиссии. Игрушка была примитивная: прибор испускал постоянный сигнал, сбивающий естественные импульсы мозга. Альде это не вредило, разве что вызывало головную боль и раздражение. Да еще унижало – ведь по форме блокатор очень напоминал собачий ошейник, хотя никто его так не называл.

Ирония заключалась в том, что Альда могла бы легко избавиться от дурацкого устройства. Это для других телепатов блокатор становился настоящей проблемой, она-то была еще и телекинетиком! Так что на ее вторичную способность ограничения не распространялись, Альда все еще ее контролировала и могла раздавить ошейник за пару секунд.

Она предпочла этого не делать, потому что ситуация пока оставалась паршивой – но не критичной.

Альда давно уже подозревала, что однажды ей придется предстать перед оценочной комиссией. Это на первых миссиях она так волновалась, что не могла оценить собственные достижения. Потом до нее дошло, что предел пятьдесят третьего номера в иерархии, присвоенного ей после выпуска, она давно уже преодолела. Особенно очевидным это стало во время миссии на Нергале... Сложный разговор с представителями специального корпуса стал просто вопросом времени.

Вот только Альда надеялась, что этого времени у нее будет побольше! Даже не потому, что она волновалась, просто время в таких ситуациях тоже ложилось на чашу весов. Если бы она выждала еще несколько месяцев, а лучше – лет, ее прогресс не казался бы таким настояживающим, и повышение номера стало бы чистой формальностью. Может, обошлось бы совсем без комиссии, дело ограничилось бы приказом руководства!

Однако капитан Лукия решила иначе. Она отправила в комиссию полный отчет обо всем, что успела сделать Альда в составе экипажа. И вот эти сухие факты, перечисленные без каких-либо похвал или хотя бы комментариев, выглядели не слишком хорошо для телепатки. Вроде как капитан поступила правильно, согласно инструкции, и обижаться на нее за такое было глупо... Но Альда все равно обижалась. Может быть, наивно и несколько по-детски, зато честно.

Потому что для нее Лукия была не просто капитаном. Альда ею восхищалась – а еще прикрывала ее. Лукия тоже была не безгрешна, все в команде замечали, что она чувствует куда больше, чем подобает капитанам. Штатная телепатка могла и рапорт соответствующий подать, потребовать расследования...

Альда не делала этого, потому что все нарушения, которые позволяла себе капитан, шли на пользу «Северной короне». Лукия защищала экипаж, прикрывала их, не боялась выгворов... Что же изменилось теперь? Нельзя сказать, что капитан была вынуждена сделать это – нет же! Если бы она не обратилась в комиссию, никто бы к Альде присматриваться не стал. Это раньше руководству докладывала хилер, теперь-то можно было не опасаться удара в спину!

А в итоге удар пришелся не в спину. Лукия вела себя честно... Но она так и не сказала, почему, она вообще ни разу не навестила Альду с тех пор, как ту взяли под стражу. Теперь телепатке только и оставалось, что размышлять о причинах самостоятельно, коротая время до разбирательства. Может, Лукия решила, что настала пора покончить с замалчиваем? Сочла, что риск слишком велик? Или попросту испугалась Альды? Хотя нет, не испугалась, перестала доверять... Основания для такого были, ни к чему обманывать себя. На Нергале Альда сумела сделать куда больше, чем надеялась. Тогда это вызвало восторг, граничащий с эйфорией, собственные способности манили новизной и безграничностью... Теперь же пришлось отвечать.

Хотя пока дела ее были не слишком плохи. Да, Альду изолировали от команды, не выпускали из камеры, заставили носить блокатор. Но обращались с ней все равно достойно, никто не считал ее преступницей, она по-прежнему оставалась сотрудницей специального корпуса, просто нуждающейся в переоценке способностей.

И все равно у Альды не получалось поверить, что ситуация под контролем и заседание комиссии пройдет спокойно. Дурное предчувствие не покидало ее уже который день, да еще сны эти о гибели «Северной короны»... К чему они? И почему вообще ожидание так сильно затянулось? Альда знала, что для оценочной комиссии необходимо присутствие сотрудников из разных отделов специального корпуса. Обычно на их сбор уходило дня два-три, а ее задержали больше недели назад. Вывод напрашивался сам собой: кто-то намеренно тянул время. Опять же, зачем, что это могло дать? Как легко было бы получить ответы, если бы она все еще контролировала свои способности... Но в этом ведь и смысл блокатора.

День, когда ее наконец вызвали на комиссию, наступил спустя целую вечность. Альда надеялась, что ей хотя бы внешне удастся выглядеть спокойной, потому что сердце билось быстро, отчаянно, кровь стучала в висках, и воздуха вокруг как будто стало меньше... Предчув-

ствие беды обострилось, показало клыки. Подавить его телепатка уже и не надеялась, она просто ждала, когда все закончится. Хорошо закончится, естественно, о другом исходе она боялась и думать.

Представители специального корпуса проводили ее в большой светлый зал, разделенный прозрачной стенкой на две одинаковые части. Этим он напоминал зал суда – а больше, к счастью, ничем. Здесь не было ни трибуны, ни клетки, ни судьи. Одну половину зала занимал большой круглый стол, за которым устроились представители комиссии. Во второй половине располагались ряды кресел для зрителей.

Там сейчас собралась вся команда – без исключения. Выступать им не полагалось, обыкновенная комиссия по переоценке такого не требовала. Мнение экипажа имело значение, но мнение это подали в письменной форме задолго до заседания. Теперь остальные ждали, совсем как Альда, они не сводили с нее глаз, хотя взволнованными выглядели не все.

Лукия все же пришла... Да и с чего бы ей не приходиться? Для нее все шло своим чередом, ровненько по инструкции. Капитан выглядела спокойной и собранной, она была там, где и должна была появиться в силу обязанностей. Если бы ее пригласили стать частью комиссии в деле какого-нибудь другого солдата, незнакомого ей, Лукия смотрела бы на него точно так же. На миг Альда не удержалась, заглянула капитану в глаза, надеясь получить хоть какой-то намек, быстрый взгляд, означающий, что все не так просто и план на самом деле есть... Напрасно. Лукия все так же смотрела на нее – и сквозь нее. Может, так она спасала себя? Ведь если бы теперь Альда вздумала указать на ее собственные недостатки, это выглядело бы жалкой мстостью. Через комиссию Лукия убрала единственного члена экипажа, который мог ей по-настоящему навредить...

Альда на пару секунд зажмурилась, отгоняя навязчивые мысли. Это все усталость, одиночество, долгие кошмары... Лукия не могла так поступить, не могла и все, точка.

Рядом с капитаном устроился Рале – остальные демонстративно сели подальше. Значит, определенный разлад в команде все-таки произошел, однако во время редких визитов к Альде никто о нем не говорил. Да и понятно, почему: все разговоры прослушивались, записывались, изоляционная комната – не то место, где можно вываливать скелеты из шкафов.

Поддерживая Лукию, Рале все равно смотрел на Альду ободряюще, улыбался ей, словно пытаясь намекнуть, что все обязательно будет хорошо, нужно только подождать. Это тоже, пожалуй, многое значило: если бы Лукия решила избавиться от Альды, она бы рассказала своему ближайшему помощнику. Он бы вел себя иначе... или нет? Все внезапно стало таким сложным...

Киган то смотрел на нее, то с вызовом поглядывал по сторонам. Электрокинетик не привык скрывать собственные чувства даже в угоду безопасности. Вот и теперь несложно было догадаться, что он возмущен и считает всю эту комиссию напрасной тратой времени, всего лишь способом помешать приличным командам выполнять свою настоящую работу, пока всякие дармоеды зарплату ни за что получают!

Стерлинг Витте комиссию как раз уважал. Киборг, совсем как Альда, не понимал до конца, что происходит, он заметно нервничал. Забавно, но тут уже Альда не удержалась и мягко улыбнулась ему, стараясь поддержать.

Римильда хмурилась, размышляя о чем-то своем. Когда их взгляды встретились, хилер все-таки улыбнулась, но получилось натужно и неубедительно. Похоже, даже шпионка руководства не до конца понимала, что здесь творится и ради чего Лукия затеяла такое.

Ну и был еще Триан. Он устроился дальше всех, на последнем ряду, надвинул на лицо капюшон и будто бы дремал. Со стороны могло показаться, что легионер вообще не хотел быть здесь, да пришлось – раз он по-прежнему часть команды. Альду это не обижало. Она прекрасно знала: об их связи капитан, скорее всего, тоже сообщила. С этого момента Триана восприни-

мали как заинтересованное лицо, и ему следовало вести себя особенно осторожно, чтобы его голос имел хоть какой-то вес.

Телепатку провели в ту часть зала, где собралась комиссия, усадили за отдельно стоящий столик, однако приковывать или даже связывать ей руки не стали. Она ведь не была преступницей... Пока не была. Мучительно хотелось прочесть мысли комиссии, поскорее узнать свою судьбу, но, если бы она решилась отключить блокатор сейчас, она бы сама себя похоронила. Альде приходилось ждать вместе со всеми.

Вдохновляло лишь то, что комиссия не выглядела настороженной – скорее, скучающей. Альда не знала никого из людей, которые собрались решать ее судьбу. Но так и было задумано: считалось, что без личных контактов вердикт будет честнее. Она для этих людей ничего не значила, им тоже хотелось поскорее со всем покончить и отправиться домой.

Как только Альда заняла свое место, слово взял председатель комиссии.

– Мы изучили все переданные нам материалы. Случай действительно небанальный... Но и не уникальный. Альда Мазарин закончила академию очень юной, логично было предположить, что развитие ее способностей пока далеко от завершения. Да и потом, в академии сегодня маловато практических занятий – я уже сто раз об этом говорил! Именно они зачастую стимулируют врожденные способности куда лучше, чем сотни лекций.

– Прошу заметить, что способности Мазарин развиваются со скоростью вне допустимого предела, – сухо заметил представитель научного отдела.

Вот это как раз настораживало... По идее, именно научный отдел должен был торжествовать – ведь достижения Альды оправдывали их эксперимент! Причем торжествовать молча, поскольку эксперимент был нелегальным.

Но вместо того, чтобы вести себя правильно, представитель научного отдела сидел за столом с могильной физиономией и на Альду даже не смотрел. Все это не сулило ничего хорошего.

– Предел она превзошла не так уж сильно, – отмахнулся председатель. – Не критично. Ладно, что время терять, перейдем сразу к сути! Телепатов у нас много, сильных – мало. Обладателей двух способностей – единицы. Это ресурс, которым мы не можем разбрасываться.

– Ресурс или оружие? – задумчиво поинтересовался представитель администрации. – Не поймите меня неправильно, я всего лишь стараюсь взглянуть на ситуацию объективно.

– Слово «оружие» прямо-таки пылает объективностью, – проворчал представитель академии.

– Хорошо, ограничимся определением «ресурс», если вам так удобней. Но ресурс тоже бывает разным – и порой очень легко меняет хозяев...

– Слова – это все-таки не ваше, – усмехнулся председатель. – Мы говорим не о пушке, а о живом человеке, который находится рядом с нами. Обвинение в измене – дело серьезное, и я не вижу никаких оснований пугать им солдата, служившего специальному корпусу верой и правдой. Мы собрали мнение всех представителей «Северной короны», включая временных. Альде Мазарин предоставлены исключительно положительные характеристики, такое бывает редко. Нет ни одного основания сомневаться в ней.

Вот, значит, как... Все в команде ее поддержали. Все – даже капитан, которая это затеяла! Получается, не было никакого коварного плана? Лукия всего лишь решила так резко и рискованно узаконить положение Альды? Странно, но не так уж плохо, если все сегодня закончится...

– Предлагаю определить новый номер Мазарин и разойтись, – продолжил председатель. – Миссия «Исход» далека от завершения, а у нас тут одна из лучших команд простаивает! Переходим к голосованию?

И только Альда позволила себе расслабиться, только вздохнула с облегчением, как представитель научного отдела взвился на ноги. Он и до этого не казался спокойным, а теперь волновался все больше. Он не смотрел не только на телепатку, но и на окружающих, он вообще

не отводил взгляд от планшета. Альда беспомощно повернулась к команде, пытаясь понять, знает ли кто-нибудь из них, что происходит.

Не похоже. Остальные были удивлены не меньше, чем Альда – кроме Триана и Лукии, разумеется, эти двое остались равнодушны.

– Я надеялся, что до этого не дойдет, но придется... – мрачно произнес представитель научного отдела. – Никому не нравится признавать свои ошибки, ну а что делать? Могу лишь подчеркнуть, что нынешнее руководство не имеет к прошлому никакого отношения, и подобные проекты запускали не они...

– Не уверен, что понимаю, – насторожился председатель.

А вот Альда как раз понимала – просто поверить не могла.

То, что она родилась в результате эксперимента, было не выгодно не только ей, но и научному отделу. Причем им – больше, она-то не несла ответственности за собственное рождение! И все эти песни про другое руководство – всего лишь жалкие отговорки, научный отдел подставлялся... Но зачем?

Телепатка до последнего надеялась, что ошиблась – пока представитель научного отдела не заговорил снова.

– К сожалению, те выдающиеся способности, которые демонстрирует Альда Мазарин, – всего лишь результат бридинг-программы.

– «Всего лишь»? – удивился представитель академии. – Хорошие у вас представления о «всего лишь»! Но даже так, зачем вываливать это как некое откровение? Да, вы нарушили закон – ну так с вами и будем разбираться!

– Не я! – возмутился представитель научного отдела.

– А все едино, начальства-то вашего здесь нет. Но что это меняет для Мазарин, скажите на милость? У нее по-прежнему великолепные характеристики. Она по-прежнему одна из лучших выпускниц своего года, это я вам ответственно заявляю. У нее хорошая наследственность? Вот и славно, тогда переведем девочку в первую тридцатку и посмотрим на прогресс.

– В том-то и дело, что наследственность у нее как раз не хорошая. Это мы и должны принять во внимание.

– То есть? – нахмурился председатель. – Я, конечно, не знаток бридинг-программ и не поощряю то, что вы ими занимаетесь...

– Не занимаемся, а занимались, это давно в прошлом!

– Замечание за то, что перебиваете старших по званию, – холодно указал председатель. – И тем не менее, на какое бы время вы ни ссылались, суть бридинг-программ не меняется, иначе они теряют смысл. Дети в таких программах рождаются только от лучших представителей специального корпуса, от них получают выдающиеся способности, что мы и видим на примере Мазарин.

– Обычно – да, такова цель... Но все предугадать невозможно. На момент, когда для Мазарин выбирали родителей, у обоих были блестящие характеристики. Но позже одному из родителей был присвоен код Омега-513. Я с прискорбием уведомляю об этом комиссию.

Вот теперь в зале стало очень, очень тихо. Как будто замерло все – и дыхание, и жизнь, и даже сердце от шока боялось биться. Альда видела, как на другой стороне стеклянной стены Стерлинг испуганно прикрыл лицо, как Киган наклонился к Римильде, явно выясняя, что означает этот код. Это же Киган, он и не скрывал, что проигнорировал большую часть теоретических занятий... Он даже гордился этим!

Но Альда действительно была отличницей, она теорию знала хорошо. Теперь оказалось, что на свою беду, ведь верить в услышанное ей не хотелось, а не верить было нельзя.

Код Омега-513 означал, что кто-то из ее родителей совершил массовое убийство гражданских – от ста человек и более. Виновник был пойман, осужден, и оказалось, что причиной такого поведения послужило врожденное психическое заболевание.

Врожденное. То есть, способное передаться Альде – вместе с теми самыми способностями, за которые ее так хвалили.

– Это серьезное обвинение, – заметил председатель. – Мы можем ознакомиться с личным делом обладателя такого кода?

– К сожалению, это засекреченная информация, – ответил представитель научного отдела. – Думаю, вы понимаете, что по этическим соображениям мы не можем разглашать личные данные такого человека, он виновен исключительно по болезни. Но чтобы серьезное обвинение не казалось голословным, на вашу почту выслано официальное подтверждение того, что код Омега-513 действительно связан с одним из номеров, обозначенных как биологические родители Альды Мазарин.

– Это не означает, что она унаследовала заболевание, – задумчиво указал представитель академии.

– Но такой вариант не исключен.

– Разобраться в этом на месте мы не сможем, – вмешался председатель. – Это уже больше, чем просто переоценка... Давайте начистоту: ни у кого из нас нет нужных полномочий, и каким бы ни стало решение комиссии, его очень легко будет оспорить.

– Ну и что это значит? – не выдержала Альда.

Она понимала, что нужно терпеть – а терпеть больше не было сил. Дни заточения не прошли даром, ей нужны были ответы, срочно.

Председатель повернулся к ней и окинул ее мрачным взглядом.

– Это значит, госпожа Мазарин, что отсюда вы будете перенаправлены на другую станцию, и вместо комиссии состоится полноценный суд – с привлечением соответствующих экспертов и более качественной оценкой вашего потенциала. Этот суд и решит, имеете ли вы право вернуться к работе на «Северной короне»... или просто остаться на свободе.

* * *

Через два года Эви предстояло стать легионером. Ей до сих пор не верилось, что она добралась так далеко.

В первое время, когда она только прошла отбор, она вообще не понимала толком, куда ее увезли. Ни про какой Легион она знать не знала и считала, что присоединится к специальному корпусу. А ее родители вообще не особо интересовались, какая судьба ее ждет. В день, когда им принесли на подпись соглашение, они едва ли были трезвы и просто радовались положенной им компенсации. Эви не сомневалась: если они однажды каким-то чудом придут в себя, они даже не будут уверены, была у них такая дочь или приснилась.

Сама же она, несмотря на все странности и вопросы без ответов, была рада, что уехала. Эви казалось, что ее вырвали из пропасти, из вечной бедности, из безнадёги преступного района... Начало обучения тоже было не сахар, и многие ее одноклассники ночами рыдали от частых травм и постоянных перегрузок. Эви же боялась только одного: что отбор сочтут ошибкой и ее отправят домой. Она никак не могла поверить, что ее действительно так возвысили – ее, случайно родившегося ребенка, который сначала запомнил, что никому не нужен, а потом только выучил свое имя!

Но никто ее выгонять не собирался, ее рвение было вознаграждено. Эви постепенно разбиралась, что представляет собой Легион, оценила его потенциал – и свое возможное будущее. С тех пор она готова была выбить себе место повыше любой ценой. Она без страха отправилась на мутацию и легко ее перенесла. Она продемонстрировала великолепные результаты на всех испытаниях.

Теперь ее назначение в Легион ни у кого не вызывало сомнений. В последние два года практического обучения Эви лишь нужно было заработать себе отличную репутацию, которая потом отправила бы ее напрямик в топ-50... или выше? Эви надеялась, что выше.

Но расслабляться было рано, ничего еще по-настоящему не закончилось. К сожалению, теперь судьба Эви зависела не только от нее. Оценивать будут всю группу, к которой ее писали на год, и сегодня Эви предстояло встретиться с этой группой на одной из станций.

Она уже знала, что их будет шестеро – будущих легионеров заранее приучали к среднему размеру команды. Внутри временно сформированной группы каждому участнику присваивался индивидуальный номер, и целый год полагалось пользоваться только им. Свое имя – это привилегия, которую будущему легионеру предстояло заслужить. Номера же адаптировали их к жизни внутри иерархии и постоянно напоминали о том, что рядом есть и сильнеешие, и слабейшие.

Эви присоединилась к группе под позывным Вторая. Это было хорошо – но не супер, она-то надеялась стать лидером! А впрочем, не важно. Такое распределение вовсе не означало, что она наберет меньше баллов, чем первый номер. Скорее, наоборот! У Первого будет больше ответственности – и больше шансов нарваться на штраф, Эви же получала все преимущества высокого номера с куда меньшим риском.

И все равно ей важно было знать, кто с ней в команде, она вполне справедливо допускала, что по головам этих кадетов ей придется подниматься. Никаких угрызений совести Эви не чувствовала: они все-таки в Легионе, а не в школе юных танцовщиц! Помня об этом, она заранее позволяла себе все.

Уже сформированная группа встречалась на станции, ведь до этого кадеты были воспитанниками разных школ. Эви прибыла последней, так что ей не пришлось никого ждать, она сразу получила возможность разобраться, что представляет собой команда номер 136.

В зале собраний ее поджидал приятный сюрприз: она увидела прекрасно знакомое лицо. Пока не обращая внимания на остальных, Эви направилась к высокому статному юноше, разглядывавшему космическую пустоту за иллюминатором. Он, конечно же, тоже узнал ее, улыбнулся, хотел что-то сказать, но Эви не позволила. Она поцеловала его, нагло и страстно, вовсе не как друга – и связь между ними мгновенно стала ясна остальным кадетам. Он сначала растерялся, а потом ответил, он никогда скромностью не отличался.

Эви уже и не помнила, когда они с Эдмаром Кодом впервые переспали. Года два назад, пожалуй, во время поездки в тренировочный лагерь. Это не делало их парой – тогда такое было не нужно им обоим. Ну какие отношения, если из-за учебы и тренировок едва вздохнуть получается? Нет, Эви всего лишь хотелось расслабиться, ему тоже, тут они совпали. Они расстались без прощаний и без надежды встретиться.

Но если сложилось вот так, почему бы не воспользоваться этим? Им предстояло провести вместе минимум год, и Эви мгновенно сообразила, какой могущественной парой они способны стать. Она предложила эту сделку без слов, и Эдмар, похоже, все понял правильно.

– Ну и как тебя звать весь этот год? – поинтересовалась Эви, наконец отстранившись от него.

– Первый – к твоим услугам. А у тебя второй номер, это я уже выяснил методом исключения. Неплохо, да?

Это было не просто неплохо – это было очень хорошо. Эдмар автоматически становился лидером группы, Эви – его заместителем, они без труда удержали бы лидерство и избежали любых интриг. Ее план сулил даже большую выгоду, чем она ожидала. Теперь, чтобы добиться нужных результатов, им следовало лишь грамотно распорядиться живыми материалами, которые им достались.

Эви прильнула спиной к Первому, а сама без особого стеснения принялась рассматривать других кадетов. За ней так же нагло наблюдали, посмеиваясь, двое парней лет двадцати.

Они были очень похожи – не слишком высокие, крепкие, светлокожие, с темными волосами и карими глазами. Братья, причем близкого возраста. Тоже хорошо, уже сработавшийся дуэт на пользу группе.

– Это у нас кто? – полюбопытствовала Эви, кивнув на братьев.

– Третий и Четвертый.

– Я так и подумала. Кто из них кто?

– А какая разница? – рассмеялся Эдмар. – Они все равно редко что-то делают по одному.

– Будем считать, что сиамские. Пятый у нас кто?

– Да вон сидит!

Номер пять как раз не впечатлил Эви. Этот позывной присвоили девице лет восемнадцати, очевидно застенчивой, не способной даже скрыть свою нервозность. Если ее все же зачислили в эту группу, потенциал у нее не худший, но эта неуверенность... Проблема. Во время полета Эви прикидывала, как бы уравновесить Пятую братьями – чтобы они постоянно присматривали за ней и не давали ничего испортить.

Столь непримечательный номер пять внушал определенные опасения по поводу номера шесть, и Эви даже не хотелось на него смотреть. Но – нужно, в ближайший год ей придется с ним работать. Она скользнула взглядом по залу, однако, к своему удивлению, больше никого не обнаружила. Пришлось спрашивать:

– Так, а Шестой-то где?

– Вон там. Он у нас как насекомое: пока не движется, никто не замечает. Да и не на что там смотреть!

Номер шесть устроился в углу, подальше от остальных, и читал книгу-проектор. Он наверняка заметил направленные на него взгляды, слышал, что сказал Эдмар. Шестой предпочел не реагировать, он бы все равно не смог ничего возразить.

Потому что он действительно был самой большой уязвимостью их группы. Эви изначально готовилась к тому, что последний номер достанется кому-то слабому. Но... не настолько же слабому!

В одной группе с ними оказался урод.

К последним двум годам обучения кадеты Легиона обычно завершали мутацию. Они могли не до конца владеть своими способностями, но все они уже выглядели абсолютно здоровыми, чаще всего – привлекательными, этим приятным бонусом пользовались многие. Однако случались и исключения, одно из которых и примостилось теперь в углу со своей дурацкой книжкой.

Шестой выглядел совсем юным – лет шестнадцати, а то и младше, хотя Эви прекрасно знала, что этого быть не может. Значит, просто заморыш тощий, да еще и бледный... На его светлой коже особенно яркими смотрелись крупные алые язвы, политые медицинским гелем, чтобы унять кровотечение. Их хватало на всех участках кожи, которые не прикрывала форма, следовательно, и под формой тоже. Полное поражение. Это, да еще очки на его лице, подталкивало к неприятному выводу...

– Нам подсунули недоделка? – простила Эви, даже не пытаясь понизить голос.

Пятая бросила на нее укоризненный взгляд, Третий и Четвертый заржали, Шестой не отреагировал.

– Сама же видишь, – вздохнул Эдмар.

– На кой их вообще берут?! Утилизировали бы сразу!

– Не ко мне вопрос – мое мнение вообще никто не спрашивал!

В любом поколении будущих легионеров могли появиться свои «недоделанные» – те, чье тело не усвоило до конца мутаген, чаще всего из-за каких-то генетических дефектов. Для них мутация превращалась в болезнь, убивающую их изнутри. Если усвоение не достигало

даже девяноста пяти процентов, кадетов отправляли на «лечение», с которого они никогда не возвращались.

Если же мутация преодолела порог хотя бы в девяносто пять процентов, кадету давали шанс – позволяли примкнуть к практическому обучению. У некоторых повышенные нагрузки и стресс стимулировали усвоение мутагена, хотя такие legionеры все равно в итоге оставались на самом дне иерархии. Зато они выживали...

Шестой номер их группы не внушал Эви особых надежд. Этот прыщавый дохляк выглядел так, что хотелось его поскорее похоронить и забыть навсегда. Интересно, сам он понимает, насколько безнадёжен? Если понимает, мог бы сдать приличия ради и не портить другим оценки.

– Какой у него процент? – спросила Эви. – Или ты не выяснил?

– Обижаешь! Первый должен знать такое. Девяносто семь и три у него.

– А выглядит хуже...

– По-разному проявляется, – пожал плечами Эдмар. – У него, скорее всего, большое поражение кожи, с глазами вот беда, а внутренние органы вполне могут оказаться целыми.

– Может быть, но даже так – какого хрена он в нашей команде? Насколько я вижу, кадеты подобрались довольно сильные, даже с Пятой тихоней. И тут этот прыщ! Как его могли приписать к нам?!

– Насколько я знаю, у него очень высокий средний балл по академическим показателям.

– То есть он в состоянии вызубрить весь учебник, – раздраженно закатила глаза Эви. – Оно и понятно, что ему еще с такой рожей делать?

– Нравится тебе это или нет, мы уже ничего не изменим. Нам придется принять его во внимание. Давай лучше думать, как выкрутиться и сделать так, чтобы он не испортил все слишком сильно.

Что ж, они с Эдмаром хотя бы были на одной волне, только это сейчас утешало. Но обсудить, как поступить с дохляком, они все-таки не успели – в зал вошел инструктор.

К их группе оказался приписан Кейн Ламентаp. Его Эви прежде не знала, однако не расстроилась. Инструктор был не так уж важен, ему предстояло лишь передавать им задания и подстраховывать на особо сложных миссиях. Хотя со вторым могли возникнуть проблемы... Legionеры, работающие инструкторами, выходили из иерархии и лишались номеров. Однако до Эви дошли слухи, что прежде Кейн был где-то в третьей сотне. Сомнительный показатель... Вот поэтому она всю жизнь считала, что полагаться нужно только на себя.

– Что, отоспались? – безучастно поинтересовался Кейн. – Очень надеюсь. Если этот факт как-то прошел мимо вас, сообщаю: вы теперь группа 136. У вас нет имени. Оно хранится только в ваших личных делах, пользоваться им вам запрещено. У вас есть номер, это ваше новое и единственное имя. Персональный номер складывается из номера группы и того, который присвоили лично вам. Первого видите? У него номер 136-1. Сообразили или дальше объяснять?

– Сообразили, – кивнула Эви.

– Молодцы, то, что вы чуть умнее булжника, поможет вам прожить подольше. Кто-то даже до выпуска доживет. Погнали дальше. Этот год назван «практическим обучением», но не позволяйте безобидным словам вас обмануть. Обучаться вы будете на реальных миссиях, просто низкого и среднего уровня сложности, полноценные legionеры на такое не размениваются.

– Когда будет наша первая миссия? – спросил Эдмар.

– А вот прямо сейчас и будет, что вас напрасно кормить? Кстати, вам досталась средняя – радуйтесь! Или не радуйтесь, как вам угодно, а поработать придется знатно. Кто из вас, детишки, может рассказать мне, что такое Эреб?

* * *

Все то время, что продолжалось это судилище, Кигана не покидал только один вопрос, который наконец-то можно было задать:

– Кто-нибудь понял, что вообще происходит?!

Они собрались в комнате отдыха «Северной короны» вчетвером – он, Римильда, Стерлинг и упырь. Лукия ушла куда-то сразу после заседания комиссии, Рале отправился с ней. Такое разделение стало в последнее время привычным.

Сразу после того, как Альду забрали, Киган не спешил ни с обвинениями, ни с выводами. Он давал Лукии шанс объяснить, почему она так поступила. Он ведь верил ей! Все верили. Лукия была отличным капитаном, она не раз демонстрировала, что готова защищать «своих» во что бы то ни стало. И вдруг она взяла и сдала Альду, чтобы выслужиться? Не может быть, наверняка есть что-то еще, тайное знание, доступное только ей, секретный план...

Даже если такой план был, Лукия не спешила им делиться. Она вела себя так, будто ничего особенного не произошло. А команда не проявляла открытую агрессию, ни о чем не договаривалась, просто они как-то все сразу начали держаться от Лукии подальше. Это оказалось несложно: миссий пока не было и быть не могло.

Киган надеялся, что хотя бы на заседании комиссии Лукия явит то самое чудо, которое наверняка готовила уже давно. Сделает так, чтобы Альду вернули, чтобы вся эта история закончилась хорошо... Однако капитан все собрание просидела молча, она не стала возражать, когда Альду по решению комиссии заключили под стражу по-настоящему, даже не попрощалась. Будто так и надо!

– Мы и не сможем понять, что происходит, – указал Триан. – Но что-то ненормальное.

Этот тоже казался безучастным, даже сейчас его голос звучал ровно. Однако уже то, что упырь удосужился прийти сюда, многое говорило о его истинном состоянии.

– Согласна, – кивнула Римильда. – Научный отдел меня удивил... Да и не только меня. Они не должны были раскрывать эту тайну!

Здесь Киган был согласен. Да научный отдел стал бы последним, кому выгодны такие откровения! Это своего рода жертва с их стороны, а на жертву не идут просто так...

– Не понимаю, что им может быть нужно, – признал электрокинетик. – Никакой выгоды!

– Иногда поступки совершаются не для того, чтобы получить выгоду, а чтобы уменьшить ущерб, – заявил Триан.

– В смысле?

– Они придержали этот козырь, – пояснила Римильда. – Научный отдел не спешил говорить, кто такая Альда на самом деле... Точнее, кто ее родители. Думаю, они надеялись избежать подобных откровений. Но потом это стало необходимым.

– Когда Альду чуть не отпустили?

– Именно.

Все складывалось даже хуже, чем предполагал Киган. Комиссия была настроена благосклонно, это чувствовалось, Альду хотели оставить во флоте... Получается, научному отделу это не выгодно, они предполагают, что телепатка способна принести тот самый больший ущерб, на который ссылался Триан. Но что это за ущерб? Альда не интересовалась научным отделом прежде – и вряд ли стала бы делать это теперь.

– Она же безвредна! – возмутился Киган.

– Ты снова мыслишь ограниченно, – покачала головой Римильда. – Сводишь все к Альде, а обстоятельств действительно куда больше...

– Ее родители, – подсказал угрюмый Стерлинг. – Те самые, о которых мы ничего не знаем... Ну, почти ничего, теперь-то мы услышали про Омега-513!

– И что? – Киган уверенно взглянул киборгу в глаза. – Это что-то для нас меняет? Как и следовало ожидать, Стерлинг тут же смутился.

– Нет, я... Для нас – нет, но для них – да! Что вы на меня пялитесь? Давайте лучше подумаем об Альде! Вот чего они добиваются, передавая ее в тот суд? Что вообще возможно?

Вопрос был неприятный, но важный. На первый взгляд казалось, что научный отдел спрашивается исключительно за справедливость. Пусть будет честный суд, с экспертами, с тестами, пусть решат, что делать дальше... Однако Киган сомневался, что все и правда разрешится так просто. Триан, скорее всего, угадал верно: научный отдел подставился сейчас, чтобы ему не прилетело еще больше в будущем. Альда для них вредна, она – напоминание о незаконном эксперименте... или даже нечто большее, кто их знает, где они еще генетический материал таскали! Им не нужно, чтобы она осталась на свободе и уж тем более на миссии «Исход».

– Каковы шансы, что ее оправдают на том суде? – поинтересовался Киган.

– Знаешь, шансы довольно высоки, – задумалась Римильда. – Я на таких судах бывала пару раз как приглашенный эксперт, видела разные случаи, и у маленькой телепатки очень неплохое положение. Нарушения у нее мелкие, достижения впечатляющие, обладателей двух способностей действительно мало... Короче, она специальному корпусу скорее нужна, чем нет. Но сегодняшний выпад ученых означает, что ее в покое не оставят.

– Верно, – кивнул Триан. – Поэтому ее или убьют до суда, или на суде используют аргумент, после которого Альда не сможет выйти на свободу.

Киган ушам своим поверить не мог. Говорил-то легионер верно, но все так же равнодушно. А ведь все на «Северной короне» прекрасно знали, что происходит между этими двумя... Можно ли изобразить такое равнодушие? Глядя на Триана, нельзя было даже заподозрить, что он хоть немного беспокоится за телепатку.

– Но что мы можем сделать? – Стерлинг обвел растерянным взглядом своих собеседников. – Я сейчас не жалею, я действительно не понимаю!

– Исходить нужно из двух вариантов судьбы Альды, – все так же ровно продолжил легионер. – Но при попытке убить ее до суда мы ни на что повлиять не сможем. Отныне мы считаемся заинтересованной стороной – мы дали ей положительные характеристики. До суда нас к ней не подпустят.

– И что? – Киган едва сдержался, чтобы не выпустить в воздух разряд электричества, контролировать гнев становилось все сложнее. – Мы просто позволим убить ее, потому что вмешиваться в такое не положено?

Легионер выдержал его взгляд без особого труда. Глаза этого упыря вообще никогда не казались по-настоящему человеческими, и сейчас это стало особенно заметным.

– Вмешиваться ради самого процесса бессмысленно, – указал Триан. – Можно сделать только хуже. Правильней будет сосредоточиться на втором варианте и обеспечить ей хорошую защиту в суде.

– В этом есть смысл, – нервно кивнул Стерлинг. – Если на суде Альду признают потенциально опасной, ее ведь не убьют – ее передадут в научный отдел!

– А уже там убьют, – мрачно заключила Римильда. – Вообще-то, есть еще одно косвенное доказательство, что они будут делать ставку именно на суд, а не на бандитское нападение. В связи с этим у меня для вас две новости – хорошая и плохая. Меня отзывают из команды «Северной короны». Еще вчера ни о чем подобном речи не шло, а сегодня у меня уже срочное назначение. Когда состоится суд над Альдой, я буду очень далеко.

– С какой стороны это что-то доказывает? – растерялся Киган.

– Мнение хилера номер два, не приписанного к команде, суд воспринял бы с большим вниманием, чем наши слова, – пояснил Триан. – Поэтому Римильду убирают подальше. Это указывает, что в исчезновении Альды заинтересованы люди, занимающие очень высокие

должности. Любопытно... Хотя об этом позже. Не могу не спросить: твой отъезд – это хорошая новость или плохая?

– Ты такой смешной, что я в такие моменты почти не понимаю, почему половина Легиона тебя придушить мечтает, – хмыкнула Римильда. Но веселье, пусть даже показное, долго не продержалось. – Ты ведь проверил корабль? Нас точно не подслушивают?

– Нет смысла даже обсуждать это.

– Да я бы не отказалась обсудить... От этого, понимаешь ли, зависит, как долго у меня голова на плечах продержится. А поскольку это мой любимый аксессуар, я предпочитаю не рисковать.

Триан не стал ничего ей доказывать, просто посмотрел на нее, и этого оказалось достаточно. Римильда, пожалуй, и сама знала, что в зале безопасно, ей всего лишь нужно было время, чтобы решиться на какое-то нарушение. И это тоже говорило о многом, ведь в мелочах хилер нарушала законы и правила без малейших сомнений.

Римильда достала проекционный планшет и вывела в пространство изображение. Перед ними вращалась, мерцая в вечной темноте, планета гроз – это было видно даже на такой модели. То, что при столь скромном размере завораживало красотой, в реальности, скорее всего, представляло чередой штормов, сокрушительных ветров, воздушных воронок... Много чего, но всегда – направленного на разрушение. На изображении оказался газовый гигант, песочно-рыжий с вкраплениями белого, серого и черного. У модели никакого звука не было, однако Кигану вдруг показалось, что он слышит рокот приближающейся бури.

Газовый гигант даже в своем величии был ничем не примечателен. Эта планета была способна перемолоть и «Стрелу», и даже «Северную корону»... Да что угодно! Но чтобы она проявила хищный нрав, несчастные жертвы должны были оказаться внутри извивающихся грозовых полос. Собственной жизни у планеты не было, большую часть времени ее ярость оставалась бесплодной.

Когда-то давно такие планеты завораживали Кигана. Теперь же он путешествовал достаточно долго, чтобы утверждать: видел один газовый гигант – видел их все. Эти планеты редко использовались, они были по большей части бесполезны. Существовали технологии, способные получить энергию из пульсирующей грозой атмосферы. Но это было долго, дорого и сложно, поэтому таким обычно не заморачивались.

И вдвойне непонятно было, почему Римильда показывала им эту планету, да еще с таким трепетом.

Электрокинетику все газовые гиганты казались одинаковыми, а вот Стерлинг, с присущей ему дотошностью, отыскал во внутренней базе данных эту планету и сообщил:

– Темпест. И что с того? У специального корпуса нет никаких записей, связанных с Темпестом!

– Еще бы они были, я б сильно удивилась, – хмыкнула Римильда. – Но я показываю вам не его. Я показываю вот это.

Она указала пальцем на изображение, и Киган только сейчас разглядел темную точку, едва заметную на фоне колоссальной сферы рядом с ней.

– Станция-спутник, – определил легионер.

– Очень странно, – нахмурился Стерлинг. – Я не нахожу никаких записей о станциях возле этой планеты! Она далеко, расположена неудобно... Зачем там что-то строить?

– Для начала прекрати копаться в общих базах данных, аккумулятор себе сэкономишь, – посоветовала Римильда. – Проклятье, столько лет сохранять идеальную репутацию и рискнуть из-за девки, которая мне даже не нравится... Ай, ладно! Надеюсь, вы это хотя бы оцените.

– По делу, – поторопил ее Триан.

– А по делу вот что: когда представитель научного отдела докатился до своего аргумента-джокера, я сразу поняла, что дело нечисто. Прежде у меня не было шансов найти роди-

телей Альды – не хватало номеров. Но если этот тип знал про код Омега, номера у него наверняка были!

– В том письме, которое он разослал всем, никакого номера не указано, – заметил Стерлинг.

– Это понятно – и не должно быть. Но когда у тебя повышенный доступ к внутренним базам данных, за такое письмо можно ухватиться, как за ниточку, и натаскать очень много интересного.

Киган понятия не имел, почему она получила повышенный доступ – из-за своего второго номера или за шпионские заслуги. Это было не так важно сейчас. Он только теперь понял, насколько сильно она рисковала... Вроде как ради Альды и всей команды, но смотрела она в этот момент только на электрокинетика.

– Мне удалось добыть номер, – продолжила Римильда. – Я по наивности решила, что это прорыв, вот сейчас выдам вам полную биографию... Да куда там! За этим номером ничего нет. Ни имени, ни фото, ни даже указания, какими способностями обладал этот солдат.

– Это вполне логично, – кивнул Триан. – Научный отдел не врал про Омега-513. Когда появляется солдат, доставляющий специальному корпусу такие неприятности, его удаляют отовсюду, делая вид, что его вообще не было.

– Как будто я не знала... Но дело тут в другом: самого солдата нельзя удалить компьютерной командой. Его либо убивают, либо отправляют в дурку. Был бы послабее, убили бы, конечно. Но то, что он уничтожил столько человек, в сочетании с тем, что его отобрали как донора для бридинг-программы, намекает, что это обладатель исключительных способностей. Таких специальный корпус предпочитает придержать в кармашке просто на всякий случай, даже если они проблемные.

Киган кивнул на изображение газового гиганта:

– И вот это, я так понимаю, кармашек?

– Нет, я просто решила показать красивые картинки, которые нашла в Общей Сети! Времени мало, давайте по сути... Того, на что вы смотрите, не существует. Не Темпеста, а станции возле него. В файлах, которые я вскрыла, возле личного номера этого загадочного родителя-маньяка стояли лишь координаты, которые вели к планете. Кто-то другой решил бы, что это ошибка, а вот хилеры высших номеров знают, что там находится «Метид» – психиатрическая лечебница закрытого типа.

– Насколько закрытого? – жалобно уточнил Стерлинг. – Наверняка из тех, к которым и на пять световых лет подлетать не стоит?

– В точку. В этой лечебнице содержатся только солдаты специального корпуса, успевшие совершить серьезные преступления. Атмосфера соответствующая – и уровень охраны, и дисциплина. И вот там, судя по всему, давно уже обустроился неведомый прародитель вашей Альды. Собственно, это и есть хорошая новость. Шансы найти его вроде как равнялись нулю – а вот сюрприз!

Римильда не стала пояснять, на что намекает, это и так понимали все. Неведомый родитель с генетическим дефектом на суде станет главным аргументом против Альды, других-то нет! И пока он остается безымянным монстром, просто так убивавшим людей, он и правда будет портить репутацию дочери. А вот если они проберутся на «Метиду», узнают, что это за человек, почему он поступил так... Возможно, получат от него некое послание, которое поможет Альде... Тогда многое может измениться, к такому научный отдел точно не готов!

Хотя и они не готовы, это Киган признавал, наблюдая, как исходит грозowymi фронтами Темпест.

– Я с вами отправиться не смогу, это и так понятно. Если научный отдел займется проверкой доступа, может, мы вообще больше не встретимся, – невесело усмехнулась Римильда. – Поэтому не нужно мне говорить, какое решение вы примете, от этого никому не будет

пользы. Только... Если вы все-таки отправитесь на «Метиду», вы постарайтесь, пожалуйста, не остаться там навсегда!

Глава 2

Альда отказалась от обезболивающих сразу. Сначала это было не так уж сложно – наркоз после операции еще держал. Но чем больше проходило времени, тем большую власть обретала боль. Тупая, пульсирующая, то и дело оборачивающаяся приливами жара, которые отступали лишь затем, чтобы вернуться в самый неожиданный момент. Голова кружилась, мышцы ныли, двигаться вообще было страшно... В какой-то момент Альда почти сорвалась, почти попросила, чтобы ей принесли какие-нибудь уколы, или таблетки, или что там выдают потенциальным военным преступникам в акте милосердия.

Но она сдержалась. Она слишком хорошо понимала, насколько зыбким стало ее положение. Ее обвинили не в том, что она совершила, а в том, что может совершить. Поэтому теперь ее будущее во многом зависело от того, что она говорит и делает сейчас. Вместо обезболивающих препаратов ей вполне могли подсунуть наркотики, под влиянием которых она бы радостно наболтала на камеру, как мечтает пожирать детишек по утрам.

Она должна была вытерпеть все – включая проклятый блок-имплант.

А ведь раньше блокатор-ошейник казался ей проблемой! Правду все-таки говорят – о том, что многое познается в сравнении. От ошейника у Альды просто болела голова, от этого можно было отстраниться, да еще успокаивать себя мыслью о контроле. Она ведь могла снять с шеи эту штуковину в любой момент! С блок-имплантом так уже не выйдет, но в этом и суть.

Когда стало ясно, что Альду ожидает не формальная проверка, а настоящее судебное разбирательство, к ней стали относиться по-другому. Не с откровенной враждебностью, но – настороженно, недоверчиво. И уж конечно дочери неведомого массового убийцы не могли позволить спокойно пользоваться своим даром!

Блокировать силу такого уровня по-настоящему, да еще и вместе со вторичными способностями, очень сложно. Поэтому Альде и установили блок-имплант: металлическое устройство, по виду напоминающее омерзительного паразита, вплотную прижавшегося к ее позвоночнику. Большая часть устройства оставалась снаружи и под одеждой напоминала горб. Худшей частью были металлические щупы, вогнанные в позвоночник на уровне грудного и шейного отделов. Именно они останавливали специфические сигналы мозга, контролирующие телепатию и телекинез.

И вот теперь эта мерзкая дрянь рассыпала по телу искры боли, Альда чувствовала себя слабой и больной, а такого с ней не случалось с первых лет в академии. В зеркало и вовсе заглядывать не хотелось: оттуда на нее смотрела осунувшаяся, серовато-бледная девица с синюшными пятнами под глазами.

Сохранять бодрость духа в таком положении становилось все сложнее. Отчаяние накачивало волнами, Альда почти жалела о том, что не удрала, когда у нее была возможность сорвать с себя ошейник. Почти – но не совсем. Она понимала, что, пустившись в бега, только порадовала бы научный отдел, предоставив им отличную возможность убить «преступницу» – и остаться героями!

Еще она злилась на Лукию, которая так ничего и не объяснила. На специальный корпус, который обошелся с ней как с грязью – после всего, что она сделала! Даже на команду «Северной короны» – ведь миновало уже несколько дней, а ее так никто и не навестил. Альда прекрасно знала, что мешает ее друзьям, но в болезни и слабости здравомыслие слишком легко уступало обиде.

Она понимала, что нужно оставаться сильной до конца. Она просто не была уверена, что сумеет.

Триан навестил ее перед самым отлетом – ее отлетом, разумеется, ведь до суда команда «Северной короны» была официально отправлена в отпуск. Легионер пришел один, и это тоже

не удивляло. Теперь Альда ни с кем не могла оставаться наедине, рядом постоянно присутствовал назначенный ей конвоир из числа телепатов. Он наверняка без зазрений совести прочитал бы мысли любого, кто решился навестить задержанную.

Вот поэтому и явился легионер, мысли которого запрещено было читать без острой необходимости. То, что не пришли остальные, внушало определенную надежду. Киган должен был рваться сюда... Если он остался в стороне, значит, в его мыслях есть нечто такое, что необходимо скрыть от флота.

Они устроились в небольшой комнатке, предназначенной для допросов. Их теперь разделял широкий металлический стол: Альда сидела по одну сторону, Триан – по другую. Касаться друг друга им было запрещено, хотя непонятно, почему: с блок-имплантом она не смогла бы ни читать, ни передавать мысли. Да и не нужно для этого прикосновение... Боялись, что Триан передаст ей какое-нибудь тайное оружие? Тоже глупо, в таком состоянии Альда любым оружием лишь покалечилась бы.

В углу комнаты стоял Харрент Дийкстра – телепат, приставленный к Альде постоянным конвоиром. Номер 41, кажется, хотя уверена она не была. В прошлом они с Дийкстрой пересекались пару раз в академии, но по-настоящему знакомы не были. Теперь телепат пытался разобраться, как вести себя с пленницей, и до уверенности ему было далеко. Харрента нельзя было назвать дураком, он и сам понимал, что обвинение весьма сомнительное. Однако он оставался образцовым солдатом специального корпуса, из тех, для кого приказ важнее логики. Поэтому он и торчал здесь – не садился, не приваливался плечом к стене, просто замер, вытянувшись, почти как на смотре в академии. Он без сомнений пялился на собеседников и слушал их, он делал то, что полагалось конвоиру. При этом Альда сильно сомневалась, что он тайно работает на научный отдел, так что его дуболомная простота была еще не худшим вариантом.

Триан смотрел на нее так же равнодушно, как на суде. Не пренебрежительно, нет, так, как обычно. Альда ожидала, что это вызовет обиду, но обиды не было. Во-первых, она слишком хорошо знала легионера – и понимала свое нынешнее положение. Во-вторых, у нее просто не осталось сил обижаться.

– Что, страшна? – усмехнулась Альда. – Космическая панда... Я теперь и выгляжу как преступница, которую нужно запереть навеки!

– Не рекомендую увлекаться такими мыслями, Мазарин, – спокойно сказал Триан. – Они не подходят ни солдату, ни штатному телепату «Северной короны». Вы пока не потеряли ни одну из этих ролей, ведите себя соответствующе. Все остальное решит суд.

Легионер давно уже не обращался к ней на «вы»... Такое вообще было? Альда не могла вспомнить, дни их знакомства будто тонули в тумане.

Но даже этим Триан подавал ей знак. Его переход на подчеркнутую вежливость намекал, что наблюдает за ними не только Харрент, тут наверняка столько следящих устройств установлено, что все еле поместились. За словами нужно было следить очень внимательно, даже если сейчас это особенно тяжело.

– До суда еще нужно дожить, а у меня с недавних пор появились сомнения на этот счет! – Альда указала на блок-имплант, проступающий под курткой.

– Напрасно. Я с такими устройствами знаком и могу вам кое-что разъяснить.

– Это к чему? – нахмурился Харрент.

Триан даже не посмотрел на него, он продолжил говорить так, будто ничего не услышал, да и не было здесь никакого телепата, достойного его внимания.

– Блок-имплант – устройство страшное на вид, но не такое уж опасное по сути. Вам сейчас кажется, что нужно двигаться очень осторожно, иначе он повредит ваш позвоночник и оставит парализованной.

– Есть такое...

– Напрасно. Разработка блок-импланта учитывает все межпланетные конвенции по гуманному обращению с пленными. Проще говоря, устройство сконструировано так, чтобы ни при каких ваших движениях не повредить позвоночник.

– Как-то верится с трудом, – признала Альда. – У меня в спинном мозгу гигантские железяки, это здоровью не способствует!

– На случай чрезвычайных ситуаций в любой блок-имплант встраивается группа медицинских наноботов. Они мгновенно реагируют на любую травму, вызванную прибором, и устраняют ее в срок до пятнадцати минут. Поэтому с блок-имплантом вы можете делать, что душе угодно, и худшим последствием станут неприятные ощущения. Но и они со временем затихнут.

– Я не собираюсь принимать таблетки!

В глазах Триана впервые мелькнуло что-то, похожее на сочувствие... Или Альде просто показалось? Скорее всего, показалось. Слишком быстро все произошло, просто отблеск света. Да и потом, сочувствие во взгляде – это что вообще? Послание, которое легче придумать, чем объективно распознать. Но ей нравилось верить, что Триан поддерживал ее – и она верила.

– Это похвально, – кивнул легионер. – Но облегчение наступит даже без них. Блок-имплант останавливает строго заданные способности – телекинез и телепатию. При этом на общий уровень здоровья имплант не влияет, он у вас останется повышенным.

– До хилеров и легионеров мне далеко...

– Да. Но обычным людям далеко до вас. Думаю, за день-два организм адаптируется, и боли больше не будет.

– Но если я попытаюсь снять эту штуку, я все равно умру?

– Эй! – нахмурился Харрент. – Что за разговоры пошли?

– Гипотетическая ситуация! – огрызнулась Альда.

– Ситуация действительно гипотетическая, – подтвердил Триан. – Для того, чтобы вы остались живы, блок-имплант должен удаляться в условиях операционной опытным хирургом. Если же попытаться вытащить его самостоятельно, это, вероятнее всего, приведет к смерти.

– Так уж и смерти?

– Имплант настроен так, что при попытке вытащить его сработает защитный механизм. На щупах, расположенных внутри позвоночника, появятся зазубрины, делающие извлечение не только исключительно болезненным, но и разрушительным.

– Так что выйдет эта дрянь только вместе с моим позвоночником, – подытожила Альда. – И что, вообще без вариантов?

– Один вариант все же есть: удалить имплант так быстро, что защитный механизм просто не успеет сработать. Но для этого удаление должно занять не больше секунды.

– Это откровенное нарушение! – возмутился Харрент. – Я подам рапорт!

Триан наконец посмотрел на него. Не вскочил с места и не напал, просто посмотрел, но этого взгляда оказалось достаточно, чтобы телепат чуть присмирел. Нет, Харрент все еще пытался выглядеть гордым и воинственным, но получалось не слишком убедительно.

Это на «Северной короне» к Триану уже привыкли – да и вел он себя иначе. Харренту Дийкстре оказалось страшно заглядывать в бездну. Видимо, с легионерами он прежде не работал...

– Нарушением будет, если я вам продемонстрирую, как выглядят ваши внутренности, – спокойно сообщил Триан. – Если все сделать правильно, времени перед смертью как раз хватит на познавательную лекцию.

– Вы мне угрожаете?!

– Очень похоже на угрозу, согласен. Но мне нужно было объяснить, что такое нарушение.

– Вы что, казни не боитесь? – поразился Харрент.

– А вы действительно уверены, что номер 7 Легиона, да еще и отмеченный похвалой за миссию на Феронии, казнят за смерть номера 41 среди телепатов, которых и так больше, чем достаточно? Если не уверены в ответе – не мешайте мне. А Мазарин я пока сообщаю только то, что она имеет право знать. Какова вероятность того, что ей хватит силы и ловкости удалить устройство, расположенное у нее на спине, менее чем за секунду?

– Нулевая, – буркнула Альда. – Триан просто делает все, чтобы я не доставляла флоту неприятностей, где здесь нарушение?

Судя по гневному взгляду, Харрент мог бы указать на целый список – но промолчал. Видимо, его не слишком привлекало близкое знакомство с особенностями собственной анатомии.

Теперь, когда Триан осадил его, хотелось общаться с легионером свободней... И все равно было нельзя. Зачем вести себя так, будто это их последняя встреча, если еще есть шанс все исправить?

– А где будете вы, пока я разбираюсь с этими бюрократическими мелочами? – поинтересовалась Альда.

– Команда в отпуске.

– Кто-нибудь останется на «Северной короне»?

– Полагаю, что все.

– Тогда мне нужно кое-что рассказать...

Она сомневалась до последнего. Не потому, что стеснялась Триана – с ним она могла говорить о чем угодно. Куда больше Альду раздражали ухмылочки Харрента, да и то, что многие перехватят ее предупреждение через подслушивающие устройства.

Но уж лучше так, чем оставить команду без защиты! Поэтому Альда пересказала свой повторяющийся сон во всех деталях. Она видела, как Харрент демонстративно закатывал глаза, как всем своим видом показывал, что это всего лишь фантазии истеричной бабы, на которые не стоит обращать внимания. Альда даже ожидала, что он встрянет в разговор, но конвоиру не хотелось снова привлекать внимание Триана.

Харрент не выдержал, лишь когда она закончила говорить.

– Вы возомнили себя провидицей, Мазарин? – поинтересовался он. – Вам напомнить первый курс? Телепаты не умеют заглядывать в будущее!

– Но я не говорила, что заглянула в будущее, – возразила Альда. – Этот сон действительно может быть моей фантазией, я не отрицаю. Есть у меня пара-тройка причин понервничать, знаете ли! Но меня смущает вот что... Впервые этот сон приснился мне в ночь, когда надели ошейник, то есть, не прошло и суток с блокировки моих способностей. В таких условиях эта иллюзия могла стать лишь интерпретацией мыслей, которые я уловила. Чужих мыслей!

– Вы склонны случайно влезать в головы людям? – язвительно поинтересовался Харрент.

– Нет, если бы я делала это, я бы знала наверняка! Но когда я попадаю в места с активным потоком чужих мыслей, я настраиваюсь на ключевые слова, связанные с моей командой и моим кораблем. Это моя работа – не все телепаты сутками следят за искалеченными девушками! – не удержалась Альда. Потом она снова повернулась к Триану: – Шансы того, что это правда, невелики, но они есть... Меня тогда отвлекли, задержание стало шоком, понятно, о чем я думала... Но подсознание действует по-другому. Есть вероятность, что в момент моего задержания кто-то рядом думал о том, как взорвать «Северную корону». То, что произошло на комиссии, делает это еще более реальным.

– Типичная стратегия преступника – смещение вины! – объявил конвоир.

– Не вижу смысла спорить, особенно теперь, когда отведенное для встречи время заканчивается, – указал Триан. – Я понял вас, Мазарин. Мы будем иметь это в виду. Я все еще отвечаю за безопасность «Северной короны»... И за вашу безопасность тоже. Быть может, меня довольно долго не будет рядом. Но это не значит, что я не смогу вас защитить.

Это было единственным утешением, которое он себе позволил. Время и правда вышло, Харрент поспешил воспользоваться этим. Конвоир с едва скрываемым торжеством проводил Триана к выходу, а Альда снова осталась совсем одна.

* * *

На ближайший год ему предстояло забыть собственное имя и помнить только номер. Это не слишком расстраивало Шестого... да вообще не расстраивало. Кому оно нужно, имя это? На Земле его, вероятнее всего, уже забыли – за столько лет! Это курсантам академии специального корпуса разрешено связываться с родными. Легионерам на время обучения полагается режим тишины. Потом, после выпуска, они имеют право пообщаться с родственниками, если захотят... Но никто никогда не хочет.

Обычному человеку имя пригodiлось бы как минимум для надгробья, а Шестому надгробья не полагалось. Тела легионеров после смерти полностью уничтожались, чтобы не допустить утечки мутагена в окружающую среду.

Возможно, очень скоро так произойдет и с ним. Шестой признавал, что, с учетом всех обстоятельств, этот день может наступить куда быстрее, чем хотелось бы. А ведь как хорошо все начиналось...

Теоретическое обучение давалось ему легко, тренировки тоже шли неплохо. Пока все кадеты оставались людьми, он был среди лучших. Разве это так сложно, если природа щедро одарила и умом, и здоровьем? Ну а потом дело дошло до мутации, и оказалось, что все предыдущие подарки природы были издевкой. Она дала ему так много лишь затем, чтобы он осознал, как много теряет.

Первая стадия прошла быстро, почти незаметно, однако это стало последним даром, который он получил от судьбы. Дальше Шестой в полной мере осознал, что же такое ад, не единойжды воспетый в культуре прошлого. Он раньше не представлял, что такая боль возможна. Лучшими моментами в его жизни становились те недолгие часы, на которые он терял сознание. Но потом он просыпался, и все начиналось по новой.

– Организм не усваивает мутаген, – обыденно пояснил врач. – Сопrotивляется, как болезни. Такое редко, но бывает.

Врачи никогда не сближались с такими кадетами, как Шестой. Они понимали, что воюющие от боли подростки, скорее всего, смертники. Лучше не привыкать, чтобы потом не жалеть. Так что общались с ним редко и мало, большую часть времени он был заперт в своем кошмаре один.

Он хотел умереть. Не всегда – но иногда, когда боль становилась особенно сильной. Отнять собственную жизнь он все равно бы не смог, не хватило бы решимости, да и сил тоже. Однако Шестой понимал, что все может случиться независимо от его воли. Из того зала, где проходила перевоплощение его группа, то и дело выносили упакованные в стерилизационные мешки тела.

А он выжил. Взял и выжил, удивив самого себя. Однажды он в очередной раз проснулся на пропитанных кровью простынях и почувствовал себя намного лучше. Спазмы постепенно слабели, боль отступала. Через несколько дней ему позволили встать с кровати и пройти первый тест.

Тогда и появились те самые цифры, обернувшиеся его личным проклятьем. 97,3 %. Клеймо на его будущем.

Он не сразу понял это. Некоторое время он еще наивно верил, что, если будет работать, сражаться, стараться и достигать, все изменится. Если бы! Против него выступило собственное тело, а такого противника попробуй, победи. Все его усилия будто улетали в пустоту. Болезни оказалось плевать, насколько он умен и талантлив. Болезнь безжалостно брала свое. Шестой

каждое утро, просыпаясь, делал анализ крови портативным тестером, однако цифры никогда не менялись.

Он вообще не знал, почему еще держится за призрачную надежду. Это было бесконечно глупо, и все же где-то в глубине его души тихий упрямый голос шептал ему, совсем как в дни мучений: «Ты все выдержишь. Вопреки». Шестой и выдерживал, хотя уже понимал, что спасения не будет. Да, в истории Легиона бывали случаи, когда мутаген все-таки приживался позже обычного срока. Но Шестой уже выяснил, что это происходило постепенно и начиналось почти сразу после выхода из лазарета. В его же случае цифры, пусть и не худшие изначально, застыли и не сулили ему ничего хорошего.

И все равно он держался. Он приучил себя игнорировать боль в язвах, покрывавших его кожу – она приняла меньше всего мутагена, и это делало его отвратительным бойцом. Он привык к дурацким очкам, потому что только они могли удержать его глаза целыми и сохранить ему зрение. Он даже не обращал внимания на тот факт, что его все ненавидят – хотя и понимал это. Он бы на их месте тоже ненавидел болезненного червя, который наверняка снизит средний балл всей группе. Но умирать ради того, чтобы эти кадеты, и без того здоровые и счастливые, могли на выпускном повыпендриваться, Шестой не собирался.

Пока что его не замечали, не худший вариант. Остальная группа уже свободно общалась между собой, даже тихоню Пятую неплохо приняли – она была сильна. На Шестого же просто не обращали внимания, будто и не было его на челноке. Он не настаивал, знал, что рано или поздно им придется с ним взаимодействовать – задание такое. Пока же он занял дальнее кресло, прикрыл глаза и вспоминал все, что ему известно об Эребе. Знания были его единственным преимуществом: приняв собственное увечье, Шестой сосредоточился на возможностях разума. Поэтому теперь он помнил наизусть то, что другим пришлось бы выискивать в архивах.

Долгое время Эреб на всех картах значился как Вольф-1061с и был даром никому не нужен. Нет, располагался-то он недалеко, меньше чем в четырнадцати световых годах от Земли – мелочи по нынешним меркам! Так что добрались до него быстро, а что с ним делать – не знали. Вольф оказался настолько очевидно негостеприимным, что его не включили даже в проект «Исход».

Гигантская планета попала в обитаемую зону своей звезды, скромного красного карлика. У Вольфа были все шансы стать лучшей версией Земли, да не срослось. Из-за приливного захвата одна половина планеты постоянно полыхала вулканами, другая тонула в вечном холоде и тьме. Правда, из-за размера планеты терминатор между ними получился внушительный, вот там как раз могли бы сложиться неплохие условия для жизни. И снова не срослось: всему мешали дикие ураганные ветра, не утихавшие на Вольфе ни на миг. Если они чем и сменялись, так только могущественными штормами. Поэтому ураган на Вольфе считался затишьем.

Ветра такой скорости и силы были плохи сами по себе, а они еще несли в себе странную каменную взвесь, которая в их власти становилась похожа на лезвие. Живое существо, оказавшись на пути такого ветра, превратилось бы в неопознаваемый фарш за пару секунд. Да и среди челноков не всякая модель выдерживала посадку на Вольф – в затишье. Шторм же уничтожал все без исключения.

Так что на долгие годы Вольф оставили в покое, никто им не интересовался, были в космосе объекты куда перспективней. И все же в защиту гиганта сработало незначительное расстояние от Земли. В какой-то момент космический флот одобрил новый проект по исследованию Вольфа, отправил к планете научную экспедицию – и не прогадал.

Ученые наконец удосужились проверить: что же несут в себе ветра, что с такой легкостью пробивает даже космические челноки? Тогда и выяснилось, что Вольф, при всей своей ярости, настоящая сокровищница. Ураганы постоянно перемещали большее, чем встречалось на Земле, количество минералов, руд и неопознанных веществ.

Сначала это поставило ученых в тупик: откуда такое разнообразие на пустынной скалистой планете, где никогда не было ни намека на флору и фауну? Однако оказалось, что на Вольфе выработался свой собственный цикл перемещения материи, свойственный лишь ему – ни до, ни после той экспедиции земляне не обнаруживали ничего подобного.

В бурлящих вулканах зарождалось то, что ученые называли «исходной материей». Она либо стекала в сторону магмой, либо улетала вместе с ветрами – и однажды попадала на темную сторону планеты, о которой ученые не знали почти ничего. И вот оттуда потоки воздуха приносили уже переработанную коллекцию немислимых сокровищ. Изначально все эти вещества снова отправлялись в вулканы, но теперь это изменилось.

С немалым трудом людям удалось построить под поверхностью планеты заборную станцию. Те, кто вынужден был дежурить на ней, быстро указали, что скромное название из имени звезды и номера планете с дурным нравом не подходит. Так Вольф, вечно темный и гневающийся, бесконечно опасный и мертвый, стал Эребом.

Жить там постоянно и уж тем более строить города оказалось невозможно. Успешной стала лишь одна станция, первая, оснащенная чередой ловушек, вылавливающих из ветра металлы, из которых создавались лучшие корабли флота, кристаллы, способствовавшие появлению новых компьютерных технологий, золото и драгоценные камни, ценившиеся куда выше земных. Лет за пять полностью окупилась экспедиция, еще за пятнадцать – строительство станции «Ковчег». Увидев такой успех, многие частные корпорации подали прошение о возможности изучить Эреб получше, однако флот неизменно отвечал им запретом. Да и кто добровольно откажется от роли настолько влиятельного монополиста?

Поселиться на Эребе надолго оказалось нереально – нервы не выдерживали даже у самых стойких. А туда еще и не каждого можно было послать, станция нуждалась в первую очередь в инженерах, способных контролировать механизмы «Ковчега». Опыт показал, что лучше всего с задачей справляется команда из четырех-пяти гражданских инженеров, к которым приставляют хилера – для обеспечения безопасности. Охраны не было, потому что неожиданных угроз на Эребе не возникало, а от постоянных не защитили бы ни люди, ни солдаты специального корпуса. Военные корабли дежурили только на орбите, команда же оставалась на станции без наблюдения – даже связь из-за особенностей атмосферы была редкой и слабой.

Но все это не мешало людям собирать дары на Эребе почти век. Каждая новая смена работала на планете не больше двух лет, а потом улетала с солидным состоянием и твердым намерением никогда больше не возвращаться в «эту чертову дыру».

За минувшие годы на планете случались смерти – иначе и быть не могло. Эреб не прощал ошибок, многие инженеры погибли, недооценив сокрушительную силу планеты. Однажды из-за неверной цифры в расчетах целый корабль был уничтожен при попытке взлета. Но во всех этих случаях причины смерти были очевидны и никакого расследования не требовали.

И вот теперь «Ковчег» впервые подал сигнал тревоги потому, что там не могли разобратся в случившемся.

– У них пропала хилер, – пояснил Кейн Ламентар, сообщая кадетам задание еще на станции. – На этот раз на Эребе работает несколько сокращенная команда, полную набрать не успели. Их изначально было четверо – хилер и три инженера из гражданских. Теперь вот хилер исчезла.

– Так это же грандиозная проблема, – заметил Первый. – Почему такое поручают нам?

– Да не такая уж это грандиозная проблема! Просто по инструкции в некоторые зоны станции может отправляться только хилер, а хилера у них нет, вот они и не могут нормально искать. Никаких указаний на криминал нет, скорее всего, несчастный случай. Миссии присвоен средний уровень, полетим и поищем.

Несложно было догадаться, что стало причиной таких инструкций. При всем великолепии «Ковчега», далеко не все помещения станции подходили для обычных людей. Если хилер

погибла или застряла где-то в технических отсеках, гражданские и правда не сумеют ей помочь, а вот кадеты Легиона – легко. Они, понятное дело, уступали настоящим легионерам, но полная мутация обеспечивала им нужный уровень здоровья, здесь этого было достаточно. С самым большим риском они столкнутся, когда отправятся на планету и вынуждены будут лететь сквозь разрушительный ураган. Все остальное – это мелочи, способные подарить необходимый опыт.

Шестой прекрасно понимал, что на этой миссии он станет обузой. Ему как раз могло не хватить здоровья для полноценной работы. Ну так что же? Отказаться он мог только одним способом: умереть, а к такому он готов не был.

С учебной станции они добрались до орбитальной возле Эреба. Там им предоставили единственную модель челнока, пригодную для посадки на такой планете. Естественно, взлететь она не могла, для взлета челноки собирали в «Ковчеге». Если там и правда все в порядке, возвращение проблемой не станет. А если нет... Даже полностью мутировавших кадетов постигнет такая же судьба, как Шестого. Он находил в этом определенную иронию.

Он предполагал, что с ними на Эреб отправится и новый хилер – просто на всякий случай. Однако путешествие считалось слишком опасным, поэтому до подтверждения смерти предыдущего хилера ни о какой замене речи не шло. Пока это означало, что все они, и люди, и кадеты, останутся без медицинской помощи.

Все это Шестой вспоминал и анализировал в то время, пока маленький челнок скорее падал, чем летел сквозь ветра. Так было проще, не приходилось прислушиваться к тому, что творилось за бронированными стенами, или отвлекаться на грохот ударов. Челнок мотало в разные стороны, освещение оставалось приглушенным, воздух – сухим и горячим. Остальные кадеты притихли, угнетенные. А вот Шестой обнаружил, что ему не так уж сложно довериться судьбе. С такой жизнью, как у него, страх смерти невольно терял силу.

В их случае расчет оказался верным, челнок миновал штормовой фронт и пробился через привычные для Эреба ветра. Небольшой кораблик оказался внутри кратера, предназначенного как раз для посадки. Сразу после этого над кратером появился щит, укрывший его от ярости планеты. Группе оставалось лишь дожидаться, пока подадут герметичный трап.

Шестого по-прежнему игнорировали. Его это устраивало, он держался чуть в стороне, наблюдая за своими спутниками. Они, недавно напуганные, теперь стыдились этого страха, они пытались поскорее забыть его, развлекаясь нелепыми шутками. Кажется, нервничал даже инструктор... Любопытно. У него были самые высокие шансы спастись... Неужели Кейн Ламентар действительно так слаб, как о нем говорили? Насмехаться над этим Шестой не собирался – не в его положении глумиться над чужой слабостью. А вот учесть планировал. Когда против тебя все, даже союзники, лучше знать больше, чем меньше.

Оставшиеся без хилера инженеры встречали группу в зале прилета, словно желая подчеркнуть: в сообщении они не соврали, на станции все действительно нормально. Они и правда не выглядели ни избитыми, ни изможденными, ни запуганными. Двое мужчин, одна женщина. Самые обычные люди, настолько привыкшие к постоянной близости смерти, что перестали о ней думать.

Сообразить, кто в прибывшей группе главный, было несложно – Кейн выглядел заметно старше своих спутников. К нему и подался грузный мужчина лет сорока пяти-пятидесяти. Он протянул инструктору руку и представился:

– Леннарт Грау, глава смены, ведущий инженер «Ковчег». Это Лиза, тоже инженер, а это Бенуи, он у нас техник-оператор.

– Рад встрече, – сдержанно кивнул легионер. – Что по вашей ситуации? Никаких следов хилера?

– Ничего... Но мы оставались только в жилой зоне, вы ж правила знаете...

– Я знаю. Для всего остального здесь мы. Покажите нам наши комнаты.

Решение сначала расселиться, а потом заняться поисками никого не удивило. Станция была огромна, не следовало и мечтать о том, что кадеты найдут хилера за пять минут – после такого долгого отсутствия. Кейн все решил верно, им сначала нужно было обосноваться в «Ковчеге», а потом только решать, что делать.

Внушительное количество комнат при ограниченных бригадах было понятно. Об опасности Эреба никогда не забывали, станцию обустроили так, что любую ее часть обитатели могли изолировать – даже в жилой зоне. В этом случае они просто перебрались бы в те спальни, которым теперь предстояло стать гостевыми.

Шестой получил свою комнату первым. Он подозревал, что так Кейн обеспечил возможность объяснить местным, почему предполагаемые спасатели притащили с собой какого-то малолетнего калеку. Объяснения не помешали бы – Грау и компания всю дорогу бросали на Шестого недоумевающие взгляды, которые он легко игнорировал. И все же укрыться от них оказалось приятно, так что в выигрыше были все.

Комната, доставшаяся ему, была стандартной. Небольшое тесное помещение, никаких окон – откуда им взяться под землей, да еще и в центре станции? Зал без углов, полукруглый, с обитыми металлом стенами. Из мебели только столик, кровать и полки для личных вещей над ней. Таких вещей у Шестого было даже меньше, чем у остальных: он не таскал с собой напоминаний о доме, только необходимый набор – аптечка, сменная форма, книга. Сумку он сразу разбирать не стал, Шестой планировал сначала воспользоваться теми недолгими минутами уединения, что ему достались.

Он подошел к стене, прижал руки к металлу, чувствуя легкую вибрацию. Это не из-за урагана, это где-то поблизости работают генераторы... От урагана они прикрыты несколькими уровнями защиты, но в масштабах планеты это такая мелочь! Шестой закрыл глаза, стараясь представить ту преисподнюю, что развернулась сейчас наверху.

На терминаторе свет еще не умирал окончательно, но тьма уже была достаточно близко, чтобы погрузить все вокруг в вечный полумрак. Смертельная взвесь, принесенная ветром, лишь сгущала сумерки, царившие на разделительной черте. Если двигаться в одну сторону, света и жара наверняка становилось бы все больше и больше – пока весь мир не утонул бы в огне.

Но огонь был Шестому не интересен. Огонь понятен – даже со всеми странностями здешних вулканов. Эту часть Эреба неплохо исследовали благодаря огнеупорным дронам. Поэтому Шестой мысленно двинулся в другую сторону, к непроницаемой ледяной тьме.

Ту часть планеты познать так и не смогли. Она безжалостно заглатывала любые экспедиции, которые рисковали к ней приблизиться. Люди сунулись туда один раз – и почти сразу пропали со связи. Больше их ошибку никто не повторял, в темноту отправляли роботов, и вновь безрезультатно.

На той стороне Эреба могло скрываться что угодно. Вечные горы, ледяные пики. Может, замерзший океан? Или живая болотистая почва, поглощающая все единой бескрайней пастью? Или то, что человеческий разум не может даже представить, потому что на Земле нет ничего подобного?

Это могло быть что угодно, однако Шестому почему-то казалась, что там скрыта только тьма. И не просто отсутствие света, а нечто густое, осязаемое... Смертоносное. Когда он попадал туда, оно уже не отпускало. Оно захватывало его, окружало со всех сторон и попросту растворяло. Его одежду, его кожу, доставившую ему столько проблем, кровь и мышцы... Она не просто убивала Шестого, она уничтожала все, чем он был. Чтобы от него не осталось ни трупа, ни имени, ни памяти... Вот он был – а все равно что не было, и мир это примет, потому что миру все равно...

– Эх, дохляк, ты чего трясешься?

Голос, ворвавшийся в его реальность грубо и резко, развеял иллюзию, возвращая Шестого из ледяной тьмы обратно под мягкий свет скрытых под потолком ламп. Открыв глаза, кадет обнаружил, что его руки и правда дрожат мелкой дрожью. Надо же... он и не заметил, как планета начала поглощать его. Хотя стоило ли ожидать меньшего от величественного Эреба?

Сделав мысленную пометку впредь быть осторожней, Шестой повернулся к своей неожиданной гостье. Ему не нужно было спрашивать, кто это, он и так знал. Он эту девушку еще на первом собрании группы заметил – он всех своих спутников тогда изучил.

Вторая обладала внешностью ангела и манерами оператора станционного погрузчика. Тонкая, изящная и светлокожая, она поражала искристыми голубыми глазами, так похожими на небо далекой Земли. Угольно-черные волосы вились мелкими кудряшками и окружали голову девушки воздушным облаком, а она и не думала собирать их, знала, наверно, как ей идут эти свободно распущенные локоны. Вторая была удивительно красива, и при взгляде на нее казалось, что она такая ранимая, такая незащищенная... А потом она открывала рот, и становилось ясно, что Легион не зря питал на ее счет большие надежды. Она была наглой, но наглой не от глупости, как часто бывает, а от силы и уверенности в себе. Шестой подозревал, что прошлое у нее было непростым, такие люди в избалованности не выковываются. Это не умиляло, Вторая явно была из тех, кто сметает со своего пути проблемы – даже живые, такие, как он.

– Со мной все в порядке, – равнодушно отозвался Шестой.

– Да? А вибрировал почему?

Вместо ответа Шестой демонстративно вытянул вперед руки, показывая, что дрожь улеглась. Рассказывать о своей попытке почувствовать планету он не собирался, эта девица все равно не поняла бы. Он надеялся, что теперь она уйдет, но Вторая все так же стояла у открытой двери.

– Как тебя зовут? – спросила она, разглядывая его с тем любопытством, которое люди обычно проявляют к животным.

– Номер шесть. Или это вопрос с подвохом?

– Это ответ с подвохом! Прямо так мать и назвала – номер шесть?

– Ты прекрасно знаешь, что нам запрещено использовать свои настоящие имена до конца года, – напомнил Шестой.

– Ну и зря. Имя – это обозначение того, что ты есть. Если у тебя нет названия, что ты вообще такое? Понятно, зачем Легиону нужно слить нас в одну массу. Так это не значит, что мы обязаны поддаваться. Меня зовут Эви. Эви Мауд.

Такого он точно не ожидал. Она вроде как подставлялась – предлагая ему дружбу. И сначала удивление оказалось приятным, но потом Шестой вспомнил, где находится и с кем говорит.

То, что эта девица умеет плести интриги и добиваться своего, стало понятно сразу, когда она поцеловала Первого. Она быстро определила, кто в группе сильнее ее, и наверняка намеревалась управлять им через страсть. Шестого же она решила подчинить через доброту, подумала, что калек такое отношение редко достается, ему много не надо.

Поддаваться этому Шестой не собирался.

– Ну же, – поторопила она. – Назови себя, обозначь свое место во Вселенной!

– Номер шесть, – невозмутимо повторил он.

– Какой же ты тухлый... Ладно, на лбу себе свой номер начерти, если он тебе так нравится! Я пришла сказать, что через час у нас встреча, наш Первый будет учиться роли отважного лидера. Не опаздывай!

Она сказала это, развернулась и ушла, оставляя Шестого наедине с ревущей планетой.

* * *

Рале не брался определить, что давило на него больше: произошедшее с Альдой, растущее недоверие со стороны команды или то, что Лукия ничего ему не объяснила. Он не мог поверить, что она внезапно озаботилась собственной карьерой и ради этого решила швырнуть в пламя двигателей малолетку. Но и причин, оправдывающих капитана, он не находил, замкнутый круг какой-то.

Чуть легче ему стало только на заседании комиссии, когда научный отдел невольно намекнул, что не все в этой истории так просто. Но уж тогда-то Лукия должна была рассказать ему правду!

А она предпочла делать вид, будто все идет как надо. По инструкции же так! Рале не выдержал первым. Промаявшись несколько дней на станции, где проходил их вынужденный отпуск, он все же пошел к временному жилищу капитана.

Лукия оказалась внутри и открыла ему сразу, удивленной она не выглядела. Она постояла, пропуская Рале в капитанские гостевые апартаменты.

Он не знал, как себя с ней вести. Пытался придумать хоть какой-то план по пути, да так и не смог. Как вообще разговаривать с тем, кто предал тебя, не нарушая ни одного обещания, потому что никакие обещания не были даны? В конце концов Рале решил сосредоточиться на холодной вежливости.

– Ничего не хочешь обсудить? – спросил он.

– Нет. Если бы я хотела поговорить, я бы сама пришла к тебе.

Она все еще обращалась к нему на «ты» – это был неплохой знак. Похоже, Лукия уже проверила свои апартаменты и считала, что никаких подслушивающих устройств здесь нет.

– Это из-за того, что в дело вовлечены телепаты? – допытывался Рале. – Ты опасаясь, что они могут взлезть в мои мысли? Готова принять всю ответственность на себя?

Лукия не спешила отвечать, она разглядывала его молча, равнодушно, будто он был незнакомцем, попросту перепутавшим комнаты.

– Не говори мне, что у тебя нет плана... Явно же есть, и я хочу его знать!

– Зачем мне план? – наконец осведомилась Лукия.

– Потому что девчонку хотят убить и ты это прекрасно знаешь!

– Убить? Кто? Специальный корпус или просто научный отдел?

– Ладно, давай обсудим кое-что другое... С каких пор ты мне не доверяешь? – усмехнулся Рале. – Я-то думал, что заслужил чуть больше... Ну так, между делом.

На этот раз она не отвечала долго. Она не выглядела ни растерянной, ни напуганной, и все же это молчание намекало, что она боролась с собой. Рале не брался угадать, что именно она скрывает, он просто ждал.

И не дождался.

– Тебе лучше сейчас быть не здесь, а с остальными, – указала Лукия. – Они и без того склонны к авантюрам, а теперь, под влиянием эмоций, способны повести себя неверно.

– Боюсь, быть с ними уже не получится.

Лукия, не сводившая с него глаз, чуть заметно прищурилась. У капитана это, пожалуй, выражало то, что у обычного человека проявилось бы настороженным шоком.

– Что ты сделал?

– Я? Ничего, я остался здесь, с тобой, – пожал плечами Рале. – А вот Киган забрал «Северную корону» в тренировочный полет. Маршрут свободный, срок – до пятнадцати дней.

– Это невозможно. Его не выпустили бы просто так со станции с особо ценным кораблем.

– А кто говорит про «просто так»? Киган, как бы фантастически это ни звучало, впервые в жизни оформил все как надо. Он подал прошение – на которое, кстати, имеет право. Он даже аргументировал свое желание: хочет улучшить навыки навигации.

– Я знаю процедуру, – кивнула Лукия. – Но для того, чтобы его отпустили, нужно было мое согласие.

– Ты дала это согласие.

– Я впервые слышу о запросе.

– И тем не менее, на прошении стоит твоя цифровая подпись. Этого было достаточно, чтобы Кигана выпустили отсюда. Дело было еще утром, даже я теперь не представляю, где он... Или с кем. Когда экипаж в отпуске, они не обязаны ни перед кем отчитываться, ведь правда?

Лукия не спросила его, что произошло, она и так поняла. Рале попросту воспользовался ее цифровой подписью, чтобы дать разрешение. Киган, убедившись, что телекинетик на стороне экипажа и Альды, даже прекратил злобно на него зыркать и позвал отправиться с ними, но Рале отказался. Вряд ли даже сама Лукия до конца понимала, с чем они столкнулись, и ей лучше было не проходить через это одной.

– Ты совершил должностное преступление, – холодно произнесла она.

– Я буду неподалеку. Всегда, – только и сказал Рале.

Он развернулся и ушел, а она не стала его задерживать. Она наверняка злилась на него... Насколько такое вообще доступно капитану. Рале не только совершил преступление, он и Лукию подставил. Спасти собственную репутацию она могла лишь одним способом: немедленно сообщить о случившемся руководству.

Если она это сделает, Рале не только лишится должности – он, вероятнее всего, отправится за решетку. И конечно, он получит подтверждение того, что она действительно сдала Альду просто так, ради карьеры или столь любимой капитанами дисциплины.

Но если нет, если она рискнет и промолчит... Тогда у Рале появится новая причина верить, что какой-то план у Лукии все-таки есть.

Глава 3

Альда прекрасно знала, что проще всего убить ее будет во время перевозки. Что может случиться с маленьким кораблем в бесконечности космоса? Да все, что угодно! Ошибка навигации. Шальной астероид. Пираты, в конце концов.

Ее направили на дальнюю станцию в ожидании суда – и в этом ей тоже виделась угроза. Зачем так далеко? У космического флота хватает баз и даже тюрем поближе! Это казалось диким – если только кто-то не хотел сделать ее путешествие долгим, увести ее от часто используемых путей... Тогда во всем появлялся смысл, но какой-то уж очень зловеющий.

Она уже знала, что для транспортировки был выделен скоростной корабль «Махаллар». Это было хорошо и плохо одновременно. Хорошо – потому что двигался такой корабль быстро, его сложно было перехватить, он отлично маневрировал и при талантливом пилоте был способен на очень многое. Плохо – потому что броня у него была слабенькая, защита – паршивая, а на прыжки он и вовсе не был настроен, не для того разрабатывался. Альда видела, что по-настоящему сейчас беспокоится только она, что ее никто не воспринимает всерьез. И все-таки она не могла просто взять и принять свою смерть, она должна была хотя бы попытаться все исправить...

– Вы не могли бы запросить дополнительную охрану? – уточнила Альда, когда Харрент пришел за ней. – Насколько я знаю, стандартная команда на кораблях такого типа – двенадцать человек...

– Этого будет достаточно.

– Ну вы же слышали мой разговор с Трианом...

– Вынужденно, – напомнил конвоир. – И я не считаю это информацией, которая имеет для меня хоть какое-то значение.

Сначала Альда даже подозревала, что Харрент тоже участвует в сговоре. Но, понаблюдав за ним некоторое время, она от этого подозрения отказалась. Может, телепат и был твердолобым – зато честным. Он готов был строго выполнять инструкции, и ему наверняка казалось, что и остальные представители специального корпуса такие. Какой заговор, какие нападения? Немыслимо!

– Если они захотят убить меня, вас тоже не пощадят, – доказывала Альда. – И всех, кто будет на борту! Но они готовятся к тому, что там будет всего двенадцать человек, не считая меня. Удивите их, обеспечьте дополнительную безопасность, кому от этого хуже?

– Достаточно, Мазарин. Имейте в виду: после доставки вас на станцию мне поручено написать на вас характеристику. Такими разговорами вы себе будущее не улучшаете.

Как же она скучала по своим способностям... Альда не надеялась, что у нее получится воздействовать на телепата номер 41. Но она могла бы передать ему свои мысли, воспоминания, доказать, что она честна! Впрочем, не факт, что даже так он воспринял бы ее всерьез, просто решил бы, что она искренне заблуждается.

Он вел ее на корабль, а Альде казалось, что на эшафот. Она настороженно оглядывалась по сторонам, надеясь заметить угрозу до того, как станет слишком поздно. Она уже видела за обзорным иллюминатором «Махаллар» – новое серебристо блестящее судно. Корабль был и правда хороший... Но порой этого недостаточно.

Харрент без труда заметил настороженность своей спутницы, она и не пыталась ничего скрыть. Поначалу он молчал, просто косился на нее. Но когда они добрались до корабля, а Альда все равно осталась напряженной, он не выдержал.

– Что именно вас не устраивает, Мазарин? Посмотрите по сторонам!

Несложно было догадаться, на что он намекает: военный корабль был защищен великолепно. Солдаты, пусть и немногочисленные, стояли строго на своих местах. Они не позволяли

себе ни эмоций, ни лишних разговоров. Да, это были только люди, без специальных способностей. Но люди прекрасно подготовленные, наверняка опытные, в полном боевом обмундировании.

За безопасность отвечали не только они, в каждом коридоре были установлены автоматические орудия, на перекрестках дежурили роботы. Если бы Альда попыталась сбежать, на ее уничтожение ушло бы минуты три. Такая же участь постигла бы тех, кто попытался бы забрать ее с корабля.

– Это только внутренняя защита, – добавил Харрент. – Есть еще внешние орудия и три силовых поля. Корабль безопасен. Нет причин трястись.

«Махаллар» и правда был отлично защищен – от пиратов, например, и даже от наемников. А от научного корпуса, который всеми силами стремится избавиться от живой улики? Альда не была уверена, что все обстоит именно так, у этой версии хватало пробелов. Но пока она предпочитала готовиться к худшему, и при худшем сценарии противостоящий ей враг наверняка знал все уровни защиты корабля и придумал не менее десяти способов их обойти.

– Есть корабли, которые все равно могут уничтожить «Махаллар», – заметила Альда.

– «Северная корона», например? – усмехнулся Харрент.

– Остроумно, оценила. «Северная корона» как раз нет, это больше исследовательский корабль.

– Да и она бы на самом деле не смогла, что бы вы там себе ни придумали! У нас очень быстрый и маневренный корабль, отличный пилот, догнать и перехватить «Махаллар» почти нереально. От снарядов он тоже защищен.

– Угроза не всегда идет снаружи.

– Считаете, что вы умнее всех, Мазарин? – нахмурился конвоир. – Я лично осмотрел корабль полчаса назад, прямо перед тем, как пошел за вами. Здесь нет ни бомб, ни тайного оружия, ни посторонних.

– За полчаса могло появиться.

– Я оставил наблюдателей на ключевых позициях.

– Вы настолько доверяете им?

– Я доверяю проверке. Понимаю, вы считаете себя единственной талантливой телепаткой во Вселенной. Но, уверяю вас, и остальные кое-что могут. Я лично проверил выделенный нам экипаж. Здесь никто не желает вам зла, все твердо намерены выполнить свой долг. Ни одного постороннего живого существа на «Махалларе» нет, я бы почувствовал. Теперь вы довольны?

– А какая разница? – пожала плечами Альда. – Как будто я могу что-то изменить...

До заседания комиссии к ней относились лояльно, изолировали, но по-настоящему за ней не следили – не считали нужным. В то время ее охранники наверняка знали, что она может в любой момент снять блокатор, и всем было плевать.

Теперь же многое изменилось. Она была преступницей по умолчанию, и относились к ней соответствующе. Харрент проводил ее к залу с клеткой, обеспечивавшему двойную защиту. Главной становилась сама клетка: куб из металла и бронированного стекла, в котором едва помещалась койка, освещенный так, что и теней внутри не оставалось. Здесь Альда все время была под наблюдением, на виду.

В зале вокруг клетки хватало автоматических орудий, наверняка управлявшихся с главной панели корабля. Сам зал изолировался полностью прозрачной дверью. Благодаря этому дежурным не требовалось даже приближаться к Альде, достаточно было заглянуть из коридора. Да и она могла видеть лишь коридор – больше смотреть оказалось не на что...

– Это обязательно? – не выдержала Альда, когда конвоир открыл перед ней дверь клетки. – В меня же вживили имплант, что я могу?

– Я не знаю, что вы можете. И никто не знает, как выяснилось на комиссии. Я даже узнавать не хочу, это не моя работа.

– Но я же ничего плохого не сделала! Я готова предстать перед судом добровольно, а со мной ведут себя так, будто я уже планету истребила!

– Вам интересно мое личное мнение? – холодно осведомился Харрент. – Тогда вот оно: причин для подозрений хватает прямо сейчас. Ваше общение с легионером, например.

– Э-э... А что не так с моим общением? Вы там были, мы ничего особенного не сказали! Или вас так расстроило, что Триан вам угрожал? Но вы наверняка знаете: если легионеры хотят кого-то убить, они не угрожают, а делают!

– Я не про тот разговор говорю. Когда меня назначили вашим главным сопровождающим, мне предоставили полный доступ к вашему личному делу. Мне прекрасно известно, как вы на самом деле *общаетесь* с легионером.

Альда почувствовала, что краснеет. Это было глупо, и с телепатией она бы без труда подавила собственную эмоциональную реакцию... Но между ней и телепатией по-прежнему оставалась болезненная металлическая преграда.

– И что? – спросила Альда. – Это теперь преступление?

– Вас подозревают в инстинктивной тяге к жестокости и насилию. А Легион – это символ жестокости и насилия.

– Вы считаете, что такая тяга передается половым путем или что?

– Не паясничайте, Мазарин.

– Если у вас проблемы с Легионом, подайте официальную претензию, – посоветовала Альда.

– У меня нет проблем с Легионом, я понимаю, зачем такие палачи нужны космическому флоту. Но это не означает, что их нужно воспринимать как равных и уж тем более делать то, что сделали вы.

– Как будто вам кто-то предлагает...

– Заходите в клетку, – жестко велел Харрент. – Чем раньше мы стартуем, тем раньше это закончится для всех. Если вы думаете, что я рад этому заданию, вы глубоко заблуждаетесь.

Альда по-прежнему опасалась, что путешествие может закончиться даже слишком рано, однако доказывать это конвоиру было бесполезно. Она слышала, как двигатели корабля заработали громче, постепенно выходя из режима ожидания. «Махаллар» был готов отправиться в путь, а значит, ни о какой дополнительной охране не шло и речи.

Начало полета было лучшим временем для нападения... Начало и финал, если уж подходить ко всему объективно. В это время корабль далек от своей предельной скорости, максимально уязвим. Разве так сложно уничтожить его? Да, у всех на виду, ну так что же? И у всех на виду можно изобразить несчастный случай. Даже если расследование докопается до правды, мертвых это к жизни не вернет.

Поэтому, оставшись одна, Альда не расслаблялась ни на миг. Сначала она пыталась робко и осторожно отыскать собственные способности. Это, конечно же, ни к чему не привело... Глупо было считать себя избранной, для которой не писаны законы специального корпуса. Блок-имплант работал исправно, и там, где раньше хранилась сила, теперь осталась только пустота.

После долгих лет изучения и использования способностей от этого становилось почти больно, но Альда запретила себе поддаваться отчаянию. Сейчас никто ей не поможет, не защитит, не прикроет ее в случае, если ей вдруг захочется порыдать. То, вернется она на «Северную корону» или нет, полностью зависело от нее, а значит, она не имела права быть слабой, не сейчас так точно.

Даже без способностей она оставалась подготовленным солдатом космического флота, Альда предпочла сосредоточиться лишь на этом. Она закрыла глаза, смотреть в клетке все равно было не на что. Сейчас важнее всего были звук и вибрация корабля. Похоже, «Махал-

лар» начал маневрировать, он выходит из зоны отлета... А теперь разгоняется, маршрут задан. Если атаковать, то сейчас...

Но атаки не было. Корабль спокойно набрал скорость, вошел в привычный для таких судов ритм полета. Оборудование работало идеально, по коридору то и дело прохаживались дежурные. Один раз заглянул Харрент – чтобы узнать, как она, и снисходительно сообщить, что на «Махалларе» все прекрасно, уже завтра они прибдут на станцию.

Альда почти позволила себе расслабиться, поверить, что все будет хорошо, ошиблась она, а не конвоир... Почти. До конца она поверить не успела – ближе к вечеру взвыл сигнал тревоги.

Резкий звук наполнил переходы и залы, резанул по барабанным перепонкам, заставил Альду испуганно вскочить на ноги. Она видела, что свет в коридоре стал рыже-красным – перешел в режим экономии энергии, у корабля наверняка серьезные повреждения. Очень скоро она услышала выстрелы и испуганные крики... Но не взрывы. Как же на них напали, как пробрались на борт без взрывов? К тому же, «Махаллар» продолжал двигаться быстро и ровно, двигатели работали нормально. Одно не вязалось с другим, и Альда не представляла, как это объяснить. Ей только и оставалось, что прижаться к двери клетки в ожидании ответов.

Но ответы эти никто не спешил давать. Пару раз мимо прозрачной двери зала пробежали солдаты. Они не остановились, не посмотрели на Альду, она была не важна... На корабле творилось то, на фоне чего потенциальная преступница становилась безобидной и недостойной внимания. Потом пропало любое движение, остались только выстрелы и крики где-то вдалеке.

Альда, запертая, лишенная способностей, чувствовала себя маленькой и жалкой – одна в железной банке, несущейся через пространство на бешеной скорости. Чтобы не поддаваться отчаянию, пленница убеждала себя, что все еще может быть хорошо. Возможно, за ней пришли друзья? Именно на это намекал Триан, когда говорил, что найдет способ ее защитить? Ее команда пошла на нарушение, за ней прибыла «Северная корона», ее не дадут в обиду... Такие мысли, пусть и несколько наивные, все равно были лучше, чем принятие этой клетки как собственной могилы.

Когда у двери снова мелькнуло движение, Альда мгновенно отвлеклась от своих фантазий. Присмотревшись внимательней, она обнаружила, что к прозрачной преграде прислонился один из дежурных. Он тяжело дышал, его лицо невозможно было разглядеть из-за сдвинувшегося шлема, его форму покрывали кровь и копоть. Но оружие он из рук не выпустил, похоже, от нападавших он отбил, все было не так уж плохо...

– Эй! – позвала Альда, надеясь, что в клетке не включена блокировка звука. – Пожалуйста, выпустите меня! Я не могу использовать свои способности, я ничего вам не сделаю, просто не оставляйте меня здесь!

Он, похоже, услышал ее. Дежурный поднял голову, посмотрел на нее – и у Альды была всего секунда, чтобы разглядеть залитое кровью лицо. А потом солдата не стало. Все выглядело так, будто крепкий молодой мужчина просто взорвался изнутри, и прозрачную дверь покрыла пенистая багрово-алая пелена, лишившая Альду последней возможности увидеть, кто же пришел за ее жизнью.

* * *

Первый был замечательным воином – умным, сильным, решительным. А как от лидера от него оказалось не больше толку, чем от скафандра с декольте. Это Эви поняла после первого же общего собрания.

Хороший лидер знает все преимущества и недостатки своих подчиненных, он использует их так же, как собственную силу. А Эдмару было не то что лень запоминать, он просто не разбирался в людях. Он запросил информацию по другим кадетам, получил то, что не было засек-

речено, и ничего толком не понял. Здесь нужно было присматриваться, говорить... Он в этом был не силен, да и просить о помощи не собирался – гордость не позволяла.

Поэтому Первый поступил бесхитростно: велел группе просто бродить по станции и искать хилера. Эви уже тогда попыталась мягко намекнуть, что это не самая разумная мысль. Если бы найти хилера было так просто, за столько дней с этим справились бы и гражданские. Но Эдмар намек то ли не понял, то ли счел оскорбительным. В ответ он рыкнул так, что Эви лишь обиженно хмыкнула и предпочла больше не лезть.

Теперь сильная группа будущих легионеров бродила по лабиринту станции, как безмозглые детишки, играющие в прятки. Над ними посмеивался не только инструктор, что было ожидаемо, но и гражданские, что было совсем уж унижительно.

Эви слишком хорошо понимала, что понапрасну тратит время – а значит, затягивает выполнение задания и понижает свой итоговый балл. В какой-то момент гнев от этого стал настолько сильным, что блуждать по коридорам и дальше она не смогла, ей повсюду чудился хохот инженеров, наверняка наблюдающих за ней через камеры. Чтобы хоть немного расслабиться, Эви отправилась на кухню.

Легионерам на миссиях запрещалось есть, а вот кадетам, да еще и на станциях космического флота, пока можно было не сдерживался. Правда, голода как такового Эви не испытывала, она лишь надеялась, что сработает старый трюк и немного сахара улучшит ей настроение.

Она была уверена, что никого не застанет на кухне в такое время: недавно закончился завтрак, до обеда еще далеко, а рабочие места инженеров расположены уровнем ниже. И тем больше было ее удивление, когда она обнаружила, что в небольшом зале уже кто-то есть.

Шестой даже не интересовался продуктами. Он замер внутри ниши, выделявшей рабочую зону для связи с главным компьютером станции – для тех случаев, когда потребуются экстренное вмешательство человека, а все окажутся далеко от своих кабинетов.

Дохляк этот не просто стоял там, он возился с компьютером. От удивления Эви даже замерла на несколько секунд возле него, пытаясь понять, все ли она правильно поняла. Точно – работает монитор, программа что-то загружает... А так быть не могло! Во-первых, подобных приказов Первый не давал, да и не мог дать, Эдмару и в голову не пришло бы заниматься компьютерами. Во-вторых, никто не предоставил бы Шестому доступ к секретному объекту без разрешения главы смены и постоянного контроля.

Но при этом не верить своим глазам Эви не могла. Шестой получил доступ к компьютеру станции вопреки всему. Сам он тоже заметил Эви – сложно не заметить девушку, стоящую в двух шагах от тебя! Но реагировать на ее появление он не собирался, даже взглядом по ней не скользнул.

– Что ты делаешь? – не выдержала она.

– Просматриваю журнал работ на станции за последние несколько месяцев, – невозмутимо отозвался Шестой, по-прежнему не глядя на нее.

– Тебе кто-нибудь разрешил?

– Я ни у кого не спрашивал разрешения.

– Значит, тебе и не запрещали... Разумно. Но что будет, если я сообщу о твоих действиях руководству?

– Будет мелкое бабство.

– Ты совсем охренел?! – возмутилась Эви. – Слов еще таких в своих книжках дурацких набрался...

Шестой наконец повернулся к ней, смерил тяжелым взглядом. Она все никак не могла понять, какого цвета у него глаза – то ли голубые, то ли серые. Вечные блики на очках мешали определить наверняка, а очки он не снимал.

– Как еще это назвать? – поинтересовался Шестой. – Такой поступок не принесет тебе никакой выгоды, он только навредит мне. Вред ради вреда, чтобы тебе на миг стало весело.

– Да пошел ты... – проворчала Эви, отходя подальше.

Она прекрасно понимала, что это поражение с ее стороны. Он уверенно подловил ее – он, уродец этот!

Она до сих пор не могла в нем разобраться. Сначала Эви попробовала действовать через доброту. Она знала, что Шестой одинок – просто потому, что одиноки все не до конца прошедшие мутацию, никто не хочет с ними сближаться, чтобы не пришлось потом скорбеть об их смерти. Она предложила ему дружбу и покровительство, рассудив, что ей пригодится даже такой союзник в их маленькой группе.

А он взял и отказался! Нагло, уверенно, как будто сам он был полноценным кадетом, просто с более низким номером. Шестой словно не понимал истинное значение своего уродства... Тогда Эви не стала настаивать, он был ей не настолько нужен. Она решила, что он не только недоделанный, он еще и тупой, какой смысл тратить на него время?

Но вот он не забился в угол, как она ожидала, а делал то, до чего никто больше не додумался. И снова ей хамил! Имя свое он, понимаете ли, называть стесняется, а нахамить Второй – запросто!

Гнев, который и пригнал ее сюда, лишь набирал силу. Эви даже подумывала двинуть Шестому, чтобы напомнить ему его место, но решила, что пока рановато – им еще год вместе работать. Она отошла от ниши, а Шестой повернулся к компьютеру.

Она осмотрела морозильную камеру, обнаружила, что здесь хватает элитных продуктов – тех, кто соглашался на работу в недрах смертоносного Эреба, космический флот баловал. Эви это теперь принесло неожиданный трофей – стаканчик самого настоящего земного мороженого. Из молока! Коровьего! Она такое уже лет семь не пробовала.

Эви уверенно вскрыла упаковку, набрала полную ложку, почувствовала нежный сливочный вкус, зажмурилась от удовольствия. Сладкий холод вполне эффективно гасил гнев. Теперь можно было уйти и доесть мороженое в тех самых коридорах, которые ей полагалось осматривать. А она почему-то осталась и снова подошла к нише. Эви и сама не смогла бы объяснить, зачем ей это.

– Первый тебе не то приказывал, – напомнила она.

– Я не собираюсь выполнять тупые приказы.

– Ха! Скажи это Первому, и он тебе башку оторвет!

Шестой повернулся к ней, улыбнулся, демонстрируя воспаленные, кровоточащие десны.

– А я похож на человека, который так уж держится за жизнь?

– Нет, – смутилась Эви. – Но и не похоже, что ты намеренно ищешь смерть.

– Верно. Моя смерть наступит сама, а пока я делаю то, ради чего нас всех прислали на Эреб.

– Как ты надеешься найти хилера через журнал выполнения работ? «Девять часов, запуск ловушек. Одиннадцать часов, исчезновение хилера» – так ты себе это представляешь?

– Прежде, чем заниматься поиском, нужно разобраться в том, что происходит здесь на самом деле. Скажи мне... тебя полностью устраивает та версия, которую нам предоставили гражданские?

Версия была простая и короткая. В нынешней смене работали трое гражданских и одна представительница специального корпуса. Как это часто случалось на Эребе, между ними не было ни дружбы, ни вражды. Люди не говорили о том, что не считают хилера равной себе, потому что это считалось оскорбительным, за такое и штраф можно было схлопотать.

Но они наверняка не считали. Даже Эви уже успела с таким столкнуться: с косыми взглядами со стороны гражданских, на общих станциях разглядывавших ее форму. А ведь они даже не знали, что такое Легион! Для них Эви была представительницей специального корпуса, такой же, как Юберта Каи – пропавшая на Эребе хилер.

Нынешняя смена приступила к работе почти год назад, и все эти месяцы члены группы соблюдали вежливый нейтралитет. Инженеры проводили вместе свободное время. Юберта присоединялась к ним только по работе. Если на станции не было раненых или болеющих, она проверяла исправность оборудования и в условленный час связывалась с руководством флота для очередного отчета.

Однажды она на связь не вышла. Теперь Леннарт Грау, лидер группы, утверждал, что это случилось внезапно, Юберта оставалась спокойна до последнего, да и на станции не происходило ничего особенного. Просто хилер исчезла – вдруг, в неизвестном направлении.

Гражданские обыскали все залы и коридоры, что были им доступны. В другие части станции их бы не пустила система безопасности, поэтому они поступили по инструкции: отослали сообщение руководству.

Кадеты, прибывшие на станцию, уже успели их допросить. Гражданские уверенно выдавали одну и ту же версию, не похоже, что кто-то из них врал. Эви знала, что из инженеров обычно плохие артисты, так что хилер исчезла именно так, как они рассказывали.

По крайней мере, в это Эви верила до настоящего момента. Теперь, под неприятно холодным взглядом Шестого, в душу начали пробираться первые сомнения.

– Ты считаешь, что они в чем-то соврали? – спросила она.

– Или соврали, или скрыли.

– Зачем им это?

– Пока не знаю.

– Тогда почему ты думаешь, что они врут?

– Они слишком спокойны, – пояснил Шестой. – Ты привыкла к силе легионера, к хорошему быстро привыкают. Но представь, что ты человек. На Эребе ты слаба, уязвима и куда более смертна, чем на Земле.

– Почему ты всегда говоришь так сложно?..

– Не отвлекайся, слушай дальше. Ты живешь на планете, которая способна убить все живое, убеждаешь себя, что все в порядке. Но вот рядом с тобой пропадает та, кто намного тебя сильнее, и ты не можешь дать этому объяснения. Разве будешь ты спокойна? Разве сочувствие ей выйдет для тебя на первое место?

– Очень вряд ли, – задумалась Эви. – На первое место для меня выйдет страх за собственную шкуру!

– Вот и я о том.

Гражданские действительно не выглядели испуганными. На допросах они переживали за Юберту – но не за самих себя. А ведь следовало бы! Хилер не могла просто упасть и умереть без причины. Если на станции произошла поломка, им грозила смертельная опасность, а умнейшие, опытные инженеры словно не понимали этого!

Вывод напрашивался сам собой: они знали, что произошло с Юбертой, и не сомневались, что им это не угрожает. Но если так, зачем они такое скрыли?

– Нет, бред какой-то! – опомнилась Эви. – Ты сам совсем свихнулся со своими книжками и меня следом тянешь!

– Я тебя никуда не тяну. Я даже не звал тебя, сама пришла.

– Сама и уйду!

Сказала – и осталась на месте. Снова. Хорошо еще, что Шестой не рискнул открыто насмехаться, он на нее даже не смотрел.

Чем больше Эви размышляла о случившемся, тем четче понимала: версия все-таки не бредовая. Можно было придумать расклад, при котором гражданские хотели бы скрыть смерть хилера. Возможно, они и убили Юберту – или случайно, или намеренно, поссорившись с ней. Они спрятали или уничтожили ее тело, на Эребе хватает возможностей для такого, и уже

потом вызвали спасателей. Поэтому они так спокойны теперь: знают, что с ними ничего плохого не случится.

– Как вообще в этом поможет журнал станции? – поинтересовалась Эви с таким видом, будто это не она только что обещала уйти. – Как ты в него влез?

– Я многое могу.

– Компенсируешь?

Она хотела оскорбить его, отыгаться за собственное унижение. Шестой, будь он неладен, и бровью не повел.

– Да. Компенсирую. Мышц в нашей группе хватает, не помешают хотя бы одни мозги.

– Ты даже более мерзкий, чем я предполагала, – заключила Эви. – Нашел что-нибудь?

– Есть некие... моменты. Не прямые указания на преступление, но то, что не вписывается в общую картину. Тебе известно, как устроен «Ковчег»?

Перед миссией им выдали материалы по станции, и Эви, в отличие от других кадетов, их даже прочитала, но помнила теперь смутно. Ей легко было представить лишь общую схему огромного металлического лабиринта, растянувшегося под поверхностью Эреба. Сверху станция напоминала то ли цветок, то ли морскую звезду – с жилой зоной в центре, ловушками для захвата полезных веществ из ветра и залами обработки по периметру.

– Кое-что помню, – уклончиво ответила Эви.

– Здесь три главные ловушки – «Зевс», «Пария» и «Лисица», – указал Шестой, не сверяясь ни с каким планшетом. Похоже, он все это умудрился выучить наизусть... Да и чего ожидать от дохляка, которому больше нечего делать? – «Зевс» и «Пария» – электромагнитные. «Лисица» – самая простая с технической точки зрения, работает по принципу сита. Всеми ловушками управляет компьютер станции, участие людей обычно не требуется.

– И что мне делать с этой информацией?

– Желательно – воспринимать. Обычно «Зевс» и «Пария» потребляют больше энергии по понятным причинам. Но несколько недель назад «Лисица» почему-то была переведена на ручной режим управления. Она начала использоваться чаще, с большей тратой энергии. При этом я не вижу почти никакого увеличения показателей в отчетах о добыче.

– Я не понимаю, – растерялась Эви. – Они что, гоняют ловушку туда-сюда просто так? Что это может значить?

– Пока не знаю.

– Скоро узнаешь! Тут наверняка есть камеры, наш разговор слышали...

– Тут есть камеры, но они давно уже переведены на воспроизведение вчерашних кадров, – отозвался Шестой. – Если бы они работали, я бы не начал этот разговор с тобой. Думаю, уже очевидно, что гражданским я не доверяю.

Он только что признался в том, что вскрыл не только журнал, но и систему безопасности станции – обыденно, словно между делом. Эви все меньше понимала, кто он вообще такой. Все остальные «недоделанные», которых она знала, быстро и необратимо ныряли в клиническую депрессию – или завершали мутацию. Но Шестой и выжить не мог, и сдаваться отказывался. Это сбивало Эви с толку.

– Ты не доверяешь им только потому, что они как-то странно использовали металлическую ловушку?

– Не только, у них тут отчет о поломке разведывательных дронов. Всех до единого.

– Тут есть разведывательные дроны? Зачем, там же снаружи месиво!

– Чтобы исследовать это месиво, – терпеливо ответил Шестой. – Дроны нужны в первую очередь для исследования поломок ловушек. Кроме того, еще не утрачена надежда побольше узнать о темной стороне Эреба, то и дело они отправляются туда.

– Ты знаешь, я, может, и не вызубрила наизусть все циферки, связанные с этой планетой-громилой... Но я представляю, что там творится! Логично, что дроны сломались, разве нет?

– Нет. Они разрабатывались специально для этой планеты-громилы, и сюда они поставлены с подстраховкой. За все предыдущие годы на Эребе не было случая, чтобы смена теряла больше тридцати процентов дронов. Здесь же потеряли всех – а смена еще даже не закончена! И они не подали вовремя запрос на новых, иначе технику прислали бы вместе с нашей группой. Похоже, дроны им тут не особо нужны.

– Слушай, но ведь это никак не связано! Исчезновение хилера, перераспределение энергии между ловушками, дроны эти дурацкие... Смотри, в твоём журнале сказано, что все дроны поломались еще до исчезновения хилера! А Юберта эта, когда последний раз выходила на связь, ни о чем руководство не предупреждала, она сказала, что работа идет в обычном режиме...

– Тогда она могла не знать о поломке дронов, – указал Шестой. – Не она должна была следить за ними. Да и потом, сеансы связи с Эребом никогда не длятся долго, это по-прежнему нерешенная проблема. Возможно, Юберта хотела сначала собрать побольше данных, чтобы говорить сразу по существу, но не успела. Я собираюсь это выяснить. Ты, если хочешь, можешь присоединиться ко мне. Ты и сама наверняка понимаешь, что в моих действиях больше смысла, чем в бесцельном брожении по коридорам.

Эта просьба была первой слабостью, которую он проявил. Стало чуть легче: Эви начала подозревать, что Шестой на самом деле не калека, он просто ловко всех обманул. Но нет, он и правда отставал от полноценных кадетов. Он и сам осознавал, что ему нужно больше грубой силы – и у Эви такая сила была.

Зато не было желания присоединиться к нему. На сей раз даже не из мстительности, хотя этот тип ей не нравился. Эви слишком хорошо знала Первого. Если Эдмар выяснит, что кто-то ведет расследование за его спиной, да еще и успешно, последствия могут быть какими угодно... Эви не собиралась жертвовать своей связью с номером один ради первого же задания.

– Нет уж, справляйся сам, – усмехнулась она, отбрасывая пустую упаковку от мороженого в утилизатор. – И это, мозги не перенапрягай! Потому что расплавятся они – и что тогда от тебя останется?

* * *

Зачем научному отделу потребовалось убивать Альду?

Киган думал об этом всю дорогу – и никак не мог найти ответ. После их выступления на комиссии бесполезно скрывать эксперимент, так зачем же уничтожать живую улику? Наверняка была какая-то серьезная причина, и Триан о ней точно догадывался. Но вытянуть толковый ответ из легионера пока не получалось, а со своими вариантами у Кигана не сложилось.

Ему пришлось смириться и сосредоточиться на настоящем моменте. Даже не понимая мотивы научного отдела, можно им противостоять – например, отыскав отца Альды и доказав, что это не такой уж плохой человек!

Да, в случае с массовым убийцей это сложно. Но ведь он наверняка много лет в заточении, успел исправиться, все осознать... Если они смогут доказать это или, еще лучше, привлечь его на суд как свидетеля, у обвинения не останется аргументов!

Для начала нужно было попасть на «Метиду», а Киган до сих пор не представлял, как это сделать. Тут он даже не пытался ничего спланировать, предоставив такое Триану. Легионер любит делать вид, что он умнее всех? Вот пусть и оправдывает репутацию!

Пока же Киган даже не смотрел на станцию, его взгляд был прикован к Темпесту. На изображениях все газовые гиганты смотрелись примерно одинаковыми и не более приме-

чательными, чем любые другие планеты. А вот в реальности все менялось... Лишь здесь можно было в полной мере осознать, почему их называли гигантами.

Планета казалась живым существом, дышавшим штормами, настороженно наблюдавшим за чужаками. В огненном мерцании Темпеста, загораживающего сейчас от «Северной короны» собственную звезду, не так просто было разглядеть маленькую черную точку орбитальной станции. «Метида» подошла к планете даже ближе, чем ожидал Киган. Она наверняка набирала там энергию, и все же это было очень опасно... Впрочем, не опасней, чем размещать на одной маленькой станции преступников с особыми способностями.

– Мы ведь не рискуем? – настороженно поинтересовался Стерлинг. – Где здесь горизонт событий? Такие планеты не затягивают корабли?

– Нет, только высасывают из них киборгов, – отозвался электрокинетик.

– Я протестую!

– Перед кем? Капитана-то здесь нет!

Вспоминать о Лукии до сих пор было тяжело. Как ни странно, почти так же тяжело, как об Альде. Поэтому Киган сейчас просто отстранился от мыслей о них обеих.

Перед вылетом он предлагал Стерлингу подождать их на станции. Не то чтобы Кигану так уж хотелось остаться с легионером наедине... Просто он понимал: постоянные истерики ни одной миссии не способствуют, особенно нелегальной. Но тогда Стерлинг клялся, что он будет решителен и нетипично смел.

Сейчас он наконец вспомнил об этом и перестал стенать.

– Я в порядке, – объявил он. – И готов ко всему!

В разговор наконец удосужился вмешаться Триан, который молчал всю дорогу.

– Это похвально. План строится на тебе.

– План? – встрепенулся киборг. – Какой еще план, откуда у нас?

Легионер подошел ближе и продемонстрировал своим спутникам планшет, на экран которого был выведен набор стандартных деталей, использовавшихся в телах большинства киборгов.

– Что бы это ни означало, сразу нет! – объявил Стерлинг.

– Ну и что это должно означать? – любопытствовал Киган. – Ты хочешь, чтобы я извлек их из нашего многоуважаемого чайника?

– Я проте... Да ну вас!

– Я хочу, чтобы ты их сжег, – невозмутимо пояснил Триан.

Стерлинг, только-только успокоившийся, чуть ли не к потолку взметнулся.

– Сжег?! Внутри себя можешь хоть сжигать, хоть перемещать, хоть слоненка имплантировать! Во мне – не позволю! Варвар!

– Я не столь трепетно отношусь к его внутреннему миру, но не могу не спросить: зачем? – нахмурился Киган. – Это достаточно опасно... Это его травмирует.

– Убьет?

– Нет, но на какое-то время выведет из строя...

– Как раз то, что нам нужно.

То, что в первые секунды предстало бессмысленной жестокостью, на деле оказалось на удивление неплохим планом. Им предстояло связаться со станцией и заявить, что их киборг получил травму из-за неполадки в сети корабля. Теперь он нуждается в замене ряда деталей и настройке программного обеспечения. Провести все это на корабле нельзя – как раз из-за мнимой неполадки «Северной короны». Кораблю и самому понадобится диагностика, во время которой они, экипаж, выполняющий тренировочный полет, попросят убежища на «Метиде».

– Вам хочется Мазарин спасти или меня убить? – простонал Стерлинг.

– Слышал когда-нибудь про двух зайцев и один выстрел? – не удержался Киган. – Да успокойся ты! Как ни странно, упырь подобрал детали, которые по инструкции должны быть на каждой станции флота, а уж в больнице – тем более.

– Это никак не странно, – указал легионер. – Мы используем объективный повод для посадки и позывные, которые добыла для нас Римильда. Это высший уровень доступа, намекающий, что нам прекрасно известна роль «Метиды». Это повышает вероятность, что нас примут.

– А если не примут? – нахохлился Стерлинг. – Я буду изувечен просто так?

– У нас эти запчасти тоже есть, – подбодрил его Киган. – Торжественно обещаю сжечь их только после того, как мы получим согласие от «Метиды»!

Шутить он мог сколько угодно, ему на самом деле не хотелось ни травмировать Стерлинга, ни даже причинять ему боль. Киган попросту признавал, что легионер прав. «Метида» – закрытый объект, туда не приглашают на экскурсию. Если бы они прибыли на обычном гражданском корабле, их бы и близко не подпустили. То, что Рале позволил им использовать «Северную корону», многое меняло... но ничего не гарантировало.

И все же они должны были рискнуть. Стерлинг и сам понимал это, он обреченно уселся на свое место и закрыл глаза. Он даже не вздрогнул, когда Киган осторожно коснулся его шеи и спины. Тут нужно было действовать точно, хирургически почти, чтобы не сломать всю систему... Сложно сказать, кому из них сейчас было страшнее.

Ожидание закончилось, когда снова заговорил легионер:

– Если вы не можете рискнуть нежной дружбой, я покалечу вас обоих. Мне несложно.

– Бесишь, – вздохнул Киган.

Разряд он все-таки выпустил – один, но достаточно точный, чтобы этого хватило. Последние миссии «Северной короны» и ему не прошли даром, электрокинетик признавал, что стал контролировать свои способности лучше. Стерлинг все равно вскрикнул, но скорее инстинктивно, Киган не сомневался, что нервные центры он не задел.

– Сейчас лучше сиди смирно, – посоветовал он. – Жизни ничто не угрожает, но с координацией некоторое время будут проблемы.

– А если я умру? Что ты будешь делать?

– Взгрустну чуток.

Используя данные Римильды, Киган отправил на станцию отчет о состоянии Стерлинга и просьбу о помощи. Подлетать слишком близко к «Метиде» он при этом не спешил, если объект и правда секретный, у них наверняка есть позволение стрелять без предупреждения...

Но оказалось, что беспокоился он напрасно. Ответ со станции пришел почти сразу – сдержанно благожелательный, позволяющий им воспользоваться всеми ресурсами «Метиды», раз уж сложилась такая неприятная ситуация.

– Они согласились подозрительно легко, – заметил Киган. – Понимаю, я кажусь таким же параноиком, как Стерлинг...

– Я здесь и все слышу!

– И что, это делает тебя меньшим параноиком? Так вот, не нравится мне такое быстрое согласие...

– Возможны разные варианты, – равнодушно отозвался Триан. – Их мог впечатлить наш уровень доступа. Или их предупредили шпионы научного отдела и теперь нас должны убить. Вероятность примерно одинакова.

– На «Метиде» очень легко избавиться от тел, – жалобно произнес Стерлинг. – А я теперь не могу за себя постоять!

– Ты и раньше не мог... Какой смысл теперь сомневаться? Мы уже слишком далеко зашли.

Для путешествия на станцию «Стрела» категорически не подходила – медики вряд ли оценили бы пробитую посадочным двигателем площадку. Но Киган знал, что так будет, он заранее заказал для них «Стрижа». На таком челноке и удрать можно... Если им дадут хотя бы один шанс сделать это.

Но он сказал Стерлингу правду: они пересекли черту, до которой еще можно было улететь, сделав вид, что ничего не произошло. Поэтому Киган направил челнок к станции, оставляя позади сиротливо замершую «Северную корону».

Он был почти уверен, что их ждет теплый прием. Либо персонал пожелал бы выслушаться перед теми, кому предоставили такой код доступа, либо усыпить их бдительность, чтобы заманить в ловушку. Однако повод для сомнений появился сразу же, как только они достигли станции: в доке их никто не встречал. Вообще. Казалось, что на «Метиду» прибыл служебный челнок, до которого никому по-настоящему не было дела.

Это заметил не только Киган, Стерлинг, которого электрокинезику приходилось чуть ли не на себе волочить, скорбно объявил:

– Мы все умрем! Или все, кроме легионера.

– Как ни странно, не умрете даже вы оба, – со скучающим видом сообщил Триан. – Но ситуация любопытная. Нас встречают со злостью и раздражением.

– Нас встречают, правда? – Киган демонстративно обвел рукой пустой зал.

Легионер не считал нужным отвечать, он просто двинулся вперед. Естественно, он оказался прав: группа встречающих обнаружилась в зале прилета. Главной там определенно была женщина лет семидесяти, подтянутая, ухоженная. Белая форма выдавала в ней врача, нашитые золотом знаки отличия – военного. Все указывало на то, что к ним вышла глава станции собственной персоной.

И глава эта была им не рада, совсем как предупреждал Триан. Женщина даже не пыталась ничего скрыть, она смотрела на них с угрюмым нетерпением стервятника, перед которым еще шевелится раздражающе живая жертва. Ее подчиненные, медики и военные, определенно понимали, в каком настроении их лидер, и уверенно это настроение копировали.

Неловкое молчание затягивалось. Обычно переговоры вела капитан Лукия, иногда – Альда, а Кигана вполне устраивала возможность стоять в стороне и по настроению кривляться. Теперь же от Стерлинга инициативы ждать не приходилось, а Триан почему-то в спячку впасть решил! Пришлось действовать электрокинезику.

– Мы очень благодарны за помощь, – объявил он.

– А разве у нас был выбор? – поджала губы женщина. – До чего флот дошел, подумать только!

– Не уверен, что понимаю...

– Да все вы прекрасно понимаете! С такими повреждениями ваш киборг не нуждается в срочной помощи. Вы вполне могли починить его сами – или довести до отдаленной станции общего пользования. А вместо этого вы решили надавить на нас, руководству звонить бросились... Вам не стыдно?

Такого Киган точно не ожидал, ему и правда казалось, что варианта всегда два... А тут вдруг появился третий. Да, за ними следили – потому что сами они ни с каким руководством не связывались. И их допуск на «Метиду», скорее всего, стал ловушкой, ведь у научного отдела не было смысла помогать им. Но об этой ловушке ничего не знала глава станции, вот что поражало!

Если она искренне не понимает, что происходит, кому же тогда доверено привести в исполнение приговор?

– Не вижу смысла тратить время на враждебность, – наконец соизволил заговорить Триан. – Мы уже здесь. Вы готовы из принципа отправить нас обратно, не оказав помощи?

Тут уже врач спорить не решилась. Она кивнула своим спутникам, и те развернули антигравитационные носилки, на которые с готовностью улегся Стерлинг.

– Меня зовут Кезия *Фила*, – представилась женщина. – Я – главный врач и руководитель станции «Метида». Вы можете оставаться столько, сколько вам угодно, раз уж вы выбрали для себя такое право! Мои ассистенты покажут вам ваши комнаты. Надеюсь, этот визит останется не более чем недоразумением.

Выслушивать их оправдания она не собиралась – а может, знала, что не будет никаких оправданий. В любом случае, Кезия развернулась и направилась прочь. Ее спутники задержались возле Стерлинга, им было велено позаботиться о нем. Киган тоже пока оставался рядом с киборгом, сбегать, привлекая всеобщее внимание, он не собирался.

Ему и так было, чем себя занять. Для начала ему требовалось осмотреться, чтобы хотя бы приблизительно понять, к какому типу относится станция, как она устроена. Ну а после этого он надеялся выяснить, как именно их планирует убить представитель высшего руководства, назвавшийся их покровителем.

Глава 4

На корабль напали гишины. Сложно было не понять это, наблюдая, как их бесформенные тела медленно ползают по стеклянной двери, как хищники слизывают кровь несчастного солдата. Это был умный ход, непредсказуемый... Альда бы даже восхитилась им, если бы речь шла о теоретическом обсуждении какой-нибудь стратегии.

Но все ведь случилось по-настоящему! Лилась кровь, кричали и умирали люди... Раньше кричали. Альда, замороженная омерзительными тварями, будто застывшими в воздухе, упустила момент, когда крики в коридорах затихли. Кажется, всё уже... Осталась она одна на корабле полном трупов. Да и она тут ненадолго – с заблокированными способностями у нее не было ни шанса спастись.

Гишинов обнаружили несколько лет назад на океанической планете Зиррацина. Они обитали на невообразимой глубине – крупные ярко-красные слизи. Настолько живучие, что впору было назвать их бессмертными. Заинтригованные странными тварями, ученые без сомнений подняли их на поверхность.

Это было ошибкой – одной из тех, что часто совершаются при исследовании других миров. Дети Земли все судят поземному. Им казалось, что гишины должны подчиняться законам их родной планеты, вот только гишины об этом не знали. Слизни не только не погибли на поверхности, они адаптировались за несколько часов. Тогда и выяснилось, что они абсолютно всеядны. Если у них был выбор, они предпочитали органическую материю. Но если нет, они без особых сомнений и вреда для себя пожирали пластик, резину, порой даже металл. Материалов, из которых можно было изготовить клетку для гишинов, оказалось очень мало. Орудий, из которых этих тварей можно убить, еще меньше.

Естественно, после полного уничтожения группы, занимавшейся исследованием гишинов, вывозить слизней с Зиррацины было строжайше запрещено. Но когда это контрабандистов останавливали запреты? Гишины были великолепным оружием, многие это понимали. Процесс несколько сдержало то, что на контакт гишины не шли и контрабандистов пожирали точно так же, как ученых. А вот с икрой все обстояло по-другому. Хищные твари размножались крохотными полупрозрачными икринками, которые очень легко было спрятать, а потом подкинуть ничего не подозревающим жертвам... Чтобы убить, разумеется. Гишинов использовали только для убийства, зная, что они не различают чужих и своих.

Для уничтожения «Махаллара» эти твари были идеальны. Кладку икры можно было спрятать так, что ни одна проверка не нашла бы. Благодаря слабо развитому мозгу не только детеныши, но и взрослые гишины не улавливались на уровне телепатии. Точнее, телепаты из первой десятки еще могли бы их почувствовать, а у номера 41 и шанса не было.

Ну и конечно, их невозможно было контролировать. Их глупость служила их защитой. Гишины жили ограниченным числом инстинктов – но им-то вполне хватало! Вылупившись из кладки, они сразу принялись убивать. Чем больше они пожирали, тем крупнее становились сами. Если гишин цеплялся за жертву челюстями, занимавшими всю нижнюю часть его туловища, оторвать существо было невозможно – только через ампутацию плоти. Но для ампутации обычно не оставалось времени, потому что жрали гишины очень быстро. Если добыча оказывалась достаточно крупной, гишины просто пробирались внутрь, выедали все, что только можно, и вырывались на свободу – именно это и произошло с дежурным.

А теперь должно было произойти с Альдой. Она не знала, как спастись, потому что спастись было невозможно. Гишины оказались идеальным оружием даже против солдат специального корпуса. Достаточно большой стае не смогли бы противостоять ни телепаты, ни хилеры, ни даже капитаны. Шанс на спасение был лишь у тех, кто способен на дальний бой – телекинетиков и электрокинетиков... Да и то при высоком уровне способностей.

У Альды же больше ничего не было. Наблюдая, как бьются в прозрачную дверь почуявшие ее гишины, она отчаянно пыталась найти в себе дар – а он просто исчез. Блок-имплант работал безупречно, превращая Альду в дрожащую от ужаса девушку – и не более.

Она видела, что к ее камере сползаются гишины со всего коридора, уже покончившие с дежурными. Они наваливались на стекло – скользкие, окровавленные, чем-то напоминавшие человеческую плоть, лишенную кожи. Альда не видела у них глаз и не помнила, есть ли эти глаза вообще. Да и какая разница, если хищники могли ее найти?

Альда не знала, сумеют ли они пробраться внутрь... Если сумеют, это конец, потому что внутренняя клетка герметичной не была. Но спасения нет в любом случае... Покончив с людьми, гишины начнут пожирать корабль, рано или поздно он взорвется, его гибель сочтут несчастным случаем... Тот, кто это устроил, все рассчитал идеально.

Никогда Альда не предчувствовала собственную смерть так четко, как сейчас. Она рисковала на каждой миссии, да и суд ей ничего хорошего не сулил, и все же... Она научилась отстраняться и надеяться на лучшее. Тогда у нее был шанс – а сейчас не было. Ей предстояло исчезнуть, просто забыться в глубинах космоса, не получив даже могилы. В мире хватало тех, кто хотел ей помочь, и мог помочь, а в свои последние моменты она осталась совсем одна...

Смерть действительно пришла, но не за ней, а за гишинами. В коридоре полыхнуло белым, послышалось шипение – не хищников, они, рожденные океаном, и в жизни, и в смерти оставались беззвучными. Шипела зажигательная смерть, и по этому звуку несложно было узнать термобланку.

Заряда оказалось достаточно, чтобы выжечь ползучих тварей в коридоре, однако не на всем корабле. Тот, кто убил гишин, знал об этом. Он поспешил войти в зал, а потом заблокировать покрытую пригоревшей коркой дверь.

– Харрент... – прошептала Альда.

Она и сама не бралась сказать, как узнала его. По военной форме, пожалуй – точно такой же, какую носила она сама, работая на «Северной короне». Теперь-то она путешествовала в гражданском, до суда она была отстранена. Ее собственная одежда наверняка не вынесла бы такие испытания, через которые прошел Харрент, а вот форма телепата справилась.

Впрочем, его это спасти уже не могло. Он был изранен: левая рука погрызена, обожжена, висит бесполезной плетью. Должно быть, в руку вцепился гишин, и Харрент, чтобы спастись, использовал зажигательную смесь... Ожоги на его лице указывали на это.

Однако сохранить жизнь ему все равно не удалось. Альда даже издали видела чудовищную рану на его правом боку – глубокое круглое отверстие. Судя по тому, что телепат вообще мог двигаться, гишина внутри себя он каким-то образом убил, однако и самому Харренту теперь оставалось недолго. Кровь, вырвавшаяся изо рта и носа, заливала его лицо, взгляд уже стал шальным, лихорадочным...

В какой-то момент Альда даже испугалась, что он пришел ее убить – выполнить долг дисциплинированного вояки. Но Харрент, с трудом преодолев разделявшее дверь и клетку расстояние, всего лишь разблокировал замок.

На этом его силы закончились, он ведь и так сделал куда больше, чем смог бы простой человек. Харрент рухнул бы на пол, если бы Альда не успела его поддержать. Но этим она лишь спасла его от боли резкого падения, тащить его на себе она все равно бы не сумела – не хватило бы сил. Поэтому она помогла ему мягко опуститься на пол, замерла рядом.

– Чем тебе помочь? – тихо спросила она. Говорить громко почему-то не получалось, хотя это было глупо, гишины вряд ли ориентировались на звук, да и ее голос почти тонул за воем сирен.

Но Харрент все равно слышал.

– Ничем... Уже ничем. Я не позволю сожрать меня заживо... Не мог позволить... Любой из них, кто меня коснется, сдохнет...

– Ты вколол себе токсин, – догадалась Альда.

– Да... Иначе нельзя. Я могу выбрать, как умереть – но не у них в пастях!.. Ты была права. Их загрузили на станции, нас просто... просто списали... Лишь бы убить тебя, любой ценой...

– Прости меня...

– Нет! – Харрент с силой сжал ее руку уцелевшей рукой. – Нет, не ты виновата... Есть только один способ покончить – ты должна выжить!

– Каковы шансы? Корабль уже наверняка весь в гишинах!

– Так не оставайся на корабле! Его скоро не станет... На капитанском мостике все мертвы... «Махаллар» либо взорвется, когда они доберутся до реактора, либо врежется, он неуправляем... Ты должна бежать!

– Куда? «Махаллар» несется на полной скорости!

– Он не замедлится... Он сразу будет уничтожен. Но его спасательные капсулы рассчитаны на такое... Ты знаешь, где они?

– Я на таких кораблях раньше не путешествовала, но примерно представляю...

– Ты найдешь... Должна найти! Держи, – телепат вложил в ее руку карточку, покрытую запекшейся кровью. – Это ключ, универсальный ключ... Тот же уровень доступа, что и у меня... С ним ты запустишь капсулу... Ты ведь справишься? Ты расскажешь, что здесь случилось?

– Да, – твердо ответила Альда. – Я все сделаю.

Что еще она могла сказать умирающему? Что до капсул она никогда не доберется, потому что это слишком далеко? Что гишины скоро сползутся сюда, они легко жизнь чувствуют? А у нее даже оружия нет... Что тот, кто хотел убить ее, давно уже победил?

Для Харрента это ничего не изменило бы, лишь сделало бы его последние минуты страшнее. Поэтому Альда просто осталась с ним, пока его сердце не перестало биться. Только тогда она позволила себе заплакать... В дверь уже бились новые гишины, коридор наверняка был заблокирован. Из оружия у Харрента осталась с собой одна термограната – и все. Альде же предстояло прорываться мимо тварей, которые не ранят, а сразу убивают, которых нельзя с себя снять, если уж они умудрились впиться в плоть. Как тут граната поможет? Если только себя вместе с ними сжечь... Да еще и время истекало: корабль мог врезаться во что угодно в любой момент.

Сдаться было проще. Активировать гранату – и сделать все быстрым и безболезненным. Здравый смысл шептал, что уж лучше так, но Альда не могла... все еще не могла. Сдавшись сейчас, она подведет Харрента, предаст команду «Северной короны» и Триана, зато несказанно порадует того, кому очень мешает ее жизнь.

Нет, точно не сегодня!

Она резко и зло вытерла слезы, показала средний палец гишинам, облепившим дверь, и направилась к стене. Где-то здесь должен быть технический люк, а за ним – узкий темный коридор для починки оборудования. Она пару раз видела, как в такие забирался Киган, настраивал что-то, устранял неполадки. В академии учили, что такие коридоры есть во всех новых моделях кораблей. Туда гишины доберутся в последнюю очередь, зачем им спешить, если коридоры еще полны плоти и крови? Да и потом, прогрызть листы металла будет не так просто даже этим несокрушимым выродкам!

Люк Альда все-таки нашла. Обнаружила, что он заблокирован, но это не удивило, она такого и ожидала. Ей пришлось еще раз обыскать тело Харрента, уже тщательней – у нее не было выбора, а он бы не стал возражать. Так Альда получила великолепный крепкий нож, а еще нашла трехмерную проекцию: нажмешь на кнопку – и появляется мерцающее изобра-

жение красивой молодой женщины и двух детей, мальчика и девочки. Мальчик был похож на Харрента. Причин выжить на этом корабле стало больше.

Не обращая внимания на глухие удары со стороны двери и треск лопающегося стекла, Альда снимала блокировку с люка. Она прекрасно понимала, что гишины могут прорваться в зал в любую минуту, и тогда все будет кончено. Но если бы она начала постоянно оглядываться, рыдать и то и дело упускать нож из трясущихся рук, лучше бы не стало! Поэтому она действовала четко и уверенно.

Люк все-таки поддался, пропуская ее в жаркую темноту технического коридора. Альда закрыла его за собой, запереть не смогла – но для слизи и это стало преградой, они не соображали бы, как и что открыть, их стратегия всегда была проста и одинакова: рваться вперед, уничтожая все на своем пути.

Они теперь и правда были повсюду, Альда слышала их – но слышала пока за надежной преградой из металла. Она не позволила этому влиять на себя, приучилась воспринимать отчаянные атаки гишинов так, как воспринимала шум двигателей. Всего лишь элемент реальности, на котором не стоит сосредотачиваться.

Она не останавливалась ни на секунду, зная, что секунд этих у нее осталось совсем мало. Сейчас все отошло на второй план: усталость, жар, недостаток кислорода... Кровь Харрента, уже засохшая у нее на руках. Страх, гнев и даже мысли о близких. Осталось только чистое, примитивное желание жить, и оно спасало.

Альда преодолела один уровень, нашла лестницу – узкую, неудобную, всего лишь металлические скобы над провалом шахты. Никто тут не думал ни о комфорте, ни о безопасности, думали только об экономии места. Людям полагалось приходиться в эту часть корабля исключительно на станциях, в безопасности... Но как будто ей оставили выбор!

Ей нужно было просто добраться наверх. Если Альда все рассчитала правильно, она окажется в нескольких шагах от спасательных капсул, она успеет... Все закончится!

Зря она об этом подумала, конечно. Судьба словно почувствовала ее первый робкий триумф – и решила проявить черную иронию. Гулкое эхо, постоянно наполняющее шахту, донесло до Альды новые звуки. Удары, и скрежет, и движение слизи... Оборачиваться не следовало, а не обернуться телепатка уже не могла.

Гишины пробрались в шахту. Не на том уровне, который прошла Альда, где-то ниже, и это чуть увеличивало расстояние между хищниками и добычей, однако ничего настоящего не меняло. Гишины уже почувствовали ее. Они не искали, они ползли по стенам шахты живым полотном, кроваво-красным, пульсирующим. Высота всего лишь не позволяла им прыгнуть, те гишины, что оказались достаточно глупы для такой попытки, уже полетели вниз.

Увы, не все были настолько безмозглыми. Остальные просто ползли вверх, упрямо, и падать не собирались – их надежно удерживала слизь. Пока они были далеко, но двигались все равно быстрее Альды. В миг, когда они ее догонят, они накроют ее живым покрывалом, им будет не важно, кричит она или нет – они это даже не услышат. Они превратят ее в кокон на стене шахты и уползут лишь тогда, когда от Альды не останется даже костей.

Если она позволит. А позволять такое она не собиралась.

Альда скользнула в ближайший технический коридор, активировала термогранату и бросила вниз.

– Поздравляю с захватом корабля, суки, – процедила сквозь сжатые зубы она, закрывая голову курткой.

В очищенном воздухе шахты граната полыхнула даже сильнее, чем в коридоре. В какой-то момент волна жара хлестнула и Альду, заставила сжаться на полу, задохнуться... Но не убила. Пока не убила.

Корабль вздрогнул, сирена взвыла громче, спокойный компьютерный голос, разлетавшийся над трупами и пожиравшими их гишинами, рекомендовал немедленную эвакуацию. Взрыв серьезно повредил «Махаллар», сократив и без того ничтожный срок, оставшийся в распоряжении Альды.

Зато путь был свободен, тут граната сработала безупречно. Альда не позволила ни головокружению, ни слезящимся глазам, ни боли в груди задержать себя. Она снова забиралась вверх по лестнице, обжигая руки о раскаленные скобы.

Открыв люк, она сразу же увидела гишинов – уже заполонивших этаж спасательных капсул. Все произошло настолько быстро, что Альда не успела даже подумать о безопасности собственного положения. Ближайшая тварь прыгнула на нее, телепатка только и сумела, что закрыться рукой. Гишин мгновенно впился в куртку, руку сдавило, как тисками. Инстинкты требовали попытаться отбросить его... Она сдержалась, сама не зная, каким чудом. Все силы Альда пустила на то, чтобы снять с себя куртку, частично надрезав по рукавам, благо нож оказался достаточно острым.

Освободившись из ловушки, она подбежала к первой же капсуле, прижала ключ-карту к замку. Время реакции компьютера показалось издевательски медленным. Оборачиваться Альда не смела: она бы все равно не смогла спастись, а наблюдать приближение собственной смерти не хотелось.

Замок все-таки сработал, впуская ее в темное, не больше душевой на «Северной короне», пространство спасательной капсулы. Альда тут же ударила рукой по кнопке блокировки – и вовремя. На крошечный иллюминатор в двери секундой позже налип извивающийся гишин.

Это уже ничего не меняло, протокол был запущен. Прежде, чем твари успели что-либо испортить, капсула сорвалась, затряслась, закружилась... На миг свет вокруг Альды погас, и она уже решила, что все кончено...

Но нет, капсула всего лишь перешла в рабочий режим. Захваченный корабль, полный мертвецов, полетел дальше – к своей гибели. А капсула постепенно замедлялась, прежде чем остановиться окончательно.

Гишина смело движением, иллюминатор очистился, и теперь перед Альдой мерцали звезды. Миллионы, миллиарды огней, чужих и незнакомых... Она же застряла в крохотном неуправляемом суденышке без еды и воды, с ограниченным запасом воздуха.

Спасательные капсулы такого типа автоматически реагировали на любой компьютер станции или космического судна: подавали сигнал бедствия, двигались навстречу помощи. То, что капсула замерла сейчас, лишь означало, что рядом никого нет. Кажется, Харрент говорил, что корабль двинется запутанным маршрутом, вдали от общих путей... Тогда это казалось хорошей идеей, а теперь могло обернуться приговором, обрекающим Альду на смерть в космической пустоте.

* * *

Конечно же, беспечное брожение по станции ни к чему не привело. И конечно же, Первый отказался признавать это своей ошибкой. Он старательно делал вид, что все идет по плану, это была первая фаза, она принесла очень ценные результаты, просто их сумел осознать только мудрый лидер.

Эви несколько раз пыталась подсказать Первому, как поступить. Он игнорировал ее с разной степенью недовольства. Вся ее продуманная схема «могущественного дуэта» катилась непонятно куда. Пока из ее ожиданий сбылось лишь то, что она снова оказалась в койке с Эдмаром, но на фоне разваливающейся миссии радость была сомнительной.

Теперь же Первый и вовсе умудрился куда-то исчезнуть, не предупредив Эви. Ей пришлось метаться по огромной станции, разыскивая уже не хилера, а его. Кейн, вероятнее

всего, знал о том, что его подопечные пока заваливают миссию, но почему-то не вмешивался. Эви только и оставалось, что взять дело в свои руки.

Первого она обнаружила в техническом отделе, да еще и не одного. Рядом с ним стояли Третий и Четвертый, вся эта компания теперь разглядывала запертую дверь. Эви не понравилось все и сразу: то, что Первый действовал за ее спиной, и то, что не самая умная троица из их группы сосредоточенно пялилась на знак «Вход запрещен, риск повреждения системы».

– Что вы делаете? – холодно осведомилась Эви, подходя ближе.

Ее приход не смутил Первого, она словно не имела значения.

– Собираемся туда войти, – пояснил он.

– Так нельзя же!

– Почему? Где гарантии, что хилер не там? Все открытые зоны мы уже осмотрели, ее там нет. Пора заняться закрытыми!

– Нюанс как раз в слове «закрытые», – указала Эви. – Ни у кого из нас нет туда доступа, и не без причины.

– Да это ерунда, а не дверь! – хмыкнул Четвертый. – Вырвать – раз плюнуть!

– Голову себе вырви и туда же раз плюнь.

– Эй!

– Результат, скорее всего, будет примерно тот же. В такие отделы опасно соваться! Мы на планете, которая очень не любит живых существ. А вы собираетесь уничтожить наше единственное убежище? Вы перед этим подумать не пробовали или с непривычки больно?

– Ты чего такая злая? – удивился Третий. – Да ничего серьезного не случится!

– Как насчет того, чтобы не рисковать? Снаружи шторм, мы даже улететь не сможем!

– Если мы не будем рисковать, мы здесь на сто лет застрянем, – рассудил Первый. – Поэтому я тебя и не позвал: ты порой становишься такой нудной! Стой и не мешай.

Помешать Эви как раз хотелось, но она прекрасно знала, что не получится. Она не сомневалась, что сильнее Третьего и Четвертого – номера им присвоили не просто так. Возможно, у нее получилось бы даже справиться с ними обоими, потому что они рассчитывали в основном на грубую силу, а Эви тренировалась больше, чем предписывала программа.

Но тренировался и Первый, его бы она победить не смогла, а против троих и шансов не было. Поэтому Эви безразлично пожала плечами и отошла в сторону, всем своим видом показывая, что не имеет к происходящему никакого отношения.

Дверь они выломали без особого труда – но войти в зал не успели, помешал взывший сигнал тревоги. Эви едва удержалась от того, чтобы не выдать им «Я же говорила!», это было бы слишком очевидно.

Первый замер, заметно растерянный, он понятия не имел, что нужно делать в такой ситуации, но принимать решение ему так и не пришлось. Из колонок зазвучал голос инструктора, который в этот миг теплотой мог сравниться с темной стороной Эреба. Кейн велел им оставаться на месте и обеспечить безопасность ремонтной бригады.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.